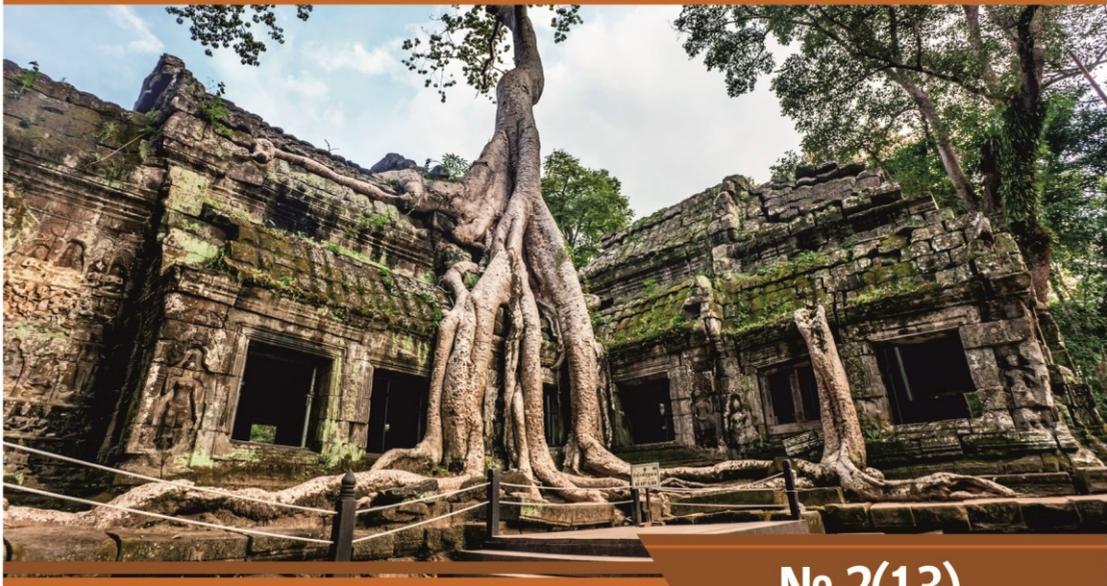

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 2(13)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

МОСКВА, 2018

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам XIII международной
научно-практической конференции*

№ 2 (13)
Февраль 2018 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2018

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва.

НЗ4 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XIII междунар. науч.-практ. конф. – № 2 (13). – М.: Изд. «МЦНО», 2018. – 98 с.

ISSN 2542-1271

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2018

Оглавление

Раздел 1. Искусствоведение	5
1.1. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура	5
ТУРКМЕНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА Гелашвили Екатерина Николаевна Шерстникова Светлана Валентиновна	5
1.2. Музыкальное искусство	10
СПЕЦИФИКА КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ БАЯННОЙ МУЗЫКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ Кирченко Денис Александрович	10
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПИПЫ ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ КИТАЯ Ли Я	16
Раздел 2. Культурология	23
2.1. Теория и история культуры	23
СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР КАК РЕЗУЛЬТАТ НЕСОВПАДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА Рытова Инна Григорьевна	23
Раздел 3. Языкознание	30
3.1. Германские языки	30
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА Джабраилова Валида Саидовна Белозерцева Наталья Васильевна	30
3.2. Русский язык	35
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ НЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ Балкис Сальман Джвад	35

<p>ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРХАИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЛЕВОЙ МОДЕЛИ С ПОЗИЦИЙ СТРУКТУРНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ) Зикра Талибь Хейралла</p>	<p>47</p>
<p>ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Мунтасыра Абдур-рахман Хамид</p>	<p>58</p>
<p>3.3. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание</p>	<p>73</p>
<p>О НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ ОБРАЗОВАНИЯХ (СВОБОДНЫХ И НЕСВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ, А ТАКЖЕ ПОСЛОВИЦАХ) СО СЛОВОМ "APPLE" Леонова Светлана Анатольевна</p>	<p>73</p>
<p>КОМПЛИМЕНТ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРАХ Харламова Лия Ленаровна</p>	<p>78</p>
<p>3.4. Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)</p>	<p>83</p>
<p>ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА "ГУ" (СЕРДЦЕ) В РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ФЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПАМЯТЬ», «МЫШЛЕНИЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. КЕШОКОВА Шугушева Джулета Хабасовна</p>	<p>83</p>
<p>КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ Сиражудинов Раджаб Магомедгазиевич</p>	<p>88</p>

РАЗДЕЛ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ТУРКМЕНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА

Гелашивили Екатерина Николаевна

*преподаватель кафедры русского языка
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко,
РФ, г. Воронеж*

Шерстникова Светлана Валентиновна

*старший преподаватель кафедры русского языка
Воронежского государственного медицинского университета
имени Н.Н. Бурденко,
РФ, г. Воронеж*

THE TURKMEN NATIONAL SUIT AS A REFLECTION ON THE MENTALITY OF THE PEOPLE

Catherine Gelashvili

*the teacher of the Russian language Department
at the Voronezh State Medical University named after N.N.Burdenko,
Russia, Voronezh*

Svetlana Sherstnikova

*Senior Lecturer of the Russian language Department
at the Voronezh State Medical University named after N.N.Burdenko,
Russia, Voronezh*

Аннотация. В статье рассматривается туркменский национальный костюм как феномен материальной и духовной культуры туркменского народа.

Abstract. In the article the Turkmen national suit is considered as a phenomenon of material and spiritual culture of the Turkmen people.

Ключевые слова: туркмены; туркменский национальный костюм; национальный менталитет; межкультурная компетентность.

Keywords: Turkmen; Turkmen national suit; national mentality; intercultural competence.

В современной России, как и во всем мире, происходит интенсификация межкультурных контактов, особенно в контексте высшего образования в связи с расширением контингента иностранных учащихся. В настоящее время от выпускников вузов требуется не только владение набором профессиональных компетенций, но и готовность осуществлять профессиональную деятельность в поликультурной среде. «Межкультурная компетентность – способность признавать, уважать, ценить и продуктивно использовать – в отношении как самого себя, так и других людей – культурные условия и детерминанты в восприятии, принятии решений, чувствах и действиях с целью создания условий для взаимной адаптации и развития синергетических форм кооперации, совместной жизни, толерантности к существующим различиям, эффективной ориентации в особенностях интерпретации и формирования мира» [1, с. 65].

Учёба в Воронежском государственном медицинском университете имени Н.Н. Бурденко предоставляет студентам возможность познакомиться с культурой и обычаями русского народа и других народов мира. Поскольку на долю туркменских студентов приходится около одной трети всего иностранного контингента учащихся ВГМУ, культура туркменского народа вызывает у молодежи особый интерес.

Безусловно, «визитной карточкой» этноса является национальный костюм. В его эстетике и символике ярко и образно отражается менталитет народа. «С точки зрения динамики культуры, костюм можно рассматривать как некоторый текст, проявление определенной информации о стиле, моде, эстетических и научных концепциях данного времени, уровне материальной жизни общества и культуры и т. д. Искусство костюма как процесс отражения действительности располагает определенной системой условных знаков в виде форм, линий, цветов и т. д. Они имеют сходство с объектом, который благодаря цепи ассоциаций вызывает в человеческом воображении образное представление» [2, с. 116]. Костюм дает четкую информацию

о своем владельце и о социальной среде, к которой он принадлежит. Он всегда несет знаково-коммуникативную функцию, довольно тонко дифференцируя социальные нюансы. Поэтому мы считаем наиболее актуальным знакомство с особенностями туркменского национального костюма, наглядно демонстрирующего преемственность народных традиций туркмен.

Туркмены, пожалуй, больше всех жителей Средней Азии являются приверженцами своего национального костюма, в котором отражена эволюция культурных традиций туркменского народа. Следуя заветам пророка Нуха (Ноя), туркмены ввели правила домашнего воспитания. Одно из правил гласит: «Красиво и опрятно одевайтесь. Одежда красит человека, радует взор». Другое правило: «Наряжайте девушек и невесток. Девушки, невестки – украшение дома, его особая прелесть». На формирование народного костюма туркмен оказали влияние климатические условия, род занятий, исторические взаимосвязи, эстетические и религиозные представления. Свободная и широкая одежда соответствовала традиционному кочевому образу жизни народа. Нательная рубаша (платье), широкие шаровары, халаты, шубы, тахьи или тюбетейки составляли основу гардероба и мужчин, и женщин. Женская рубаша отличалась от мужской лишь длиной, формой воротника и количеством вышитых украшений. Халаты дон – и мужские, и женские – шили без застежки и просто запахивали, а подвязывали поясами из шерсти с кистями тогда, когда надевали сразу несколько халатов, или опоясывались сложенным платком. Назначение туркменских женских халатов было разным: одни носились как головная накидка, другие считались праздничной одеждой. Их шили короче мужских, украшали вышивкой и серебром. Шубы у туркмен были предметом гордости и одеждой для торжественных случаев. Праздничные шубы шились из шкурок ягнят. Шубы носили в рукава, только когда уезжали в дальний путь. Обычно их просто накидывали на плечи поверх халатов.

Строгое функциональное назначение туркменского костюма сочетается с традиционностью и яркой декоративностью, символический и магический смысл орнамента свидетельствует о древности происхождения. Декоративно-прикладное искусство у туркмен всегда было составной частью воспитания. С его помощью девочку с детства ориентировали на семью и материнство. Туркменские мастерицы выработали ткань, отвечающую национальным вкусам и традиционным запросам, – это "кетени" из шелка различных цветов. Женские платья украшались вышивкой у ворота и по краям рукавов. Наряд обильно дополняли серебряными ювелирными украшениями-оберегами со вставками из драгоценных камней.

Символична расцветка традиционной туркменской одежды и вышитые орнаменты на ней. В одежду ярких цветов туркмены одевали детей и молодежь. Девочек-туркменок и невест наряжали в красное. Традиционно у туркмен этот цвет символизировал животворящие силы природы. Девичья одежда украшалась вышитыми яркими весенними цветами, воплощая образ пробужденной земли, который сулит красоту, здоровье и плодородие. Женщины-матери носили одежду желтого цвета – цвета осени. Это символ солнца в зените, состоявшейся женской судьбы. Платья и халаты вышивались орнаментом «дубовые листья», олицетворяющим силу и долголетие. Женщина, перешагнувшая «возраст Мухаммеда», то есть 63 года, надевала белые одежды. Часто женщина одевалась в белое сразу после свадьбы детей. В вышитых узорах легко узнаются очертания пустынных растений. С возрастом все большее пространство освобождалось от вышивки, символизируя освобождение «пространства жизни» для нового поколения.

Головной убор – один из наиболее интересных элементов национального костюма туркмен. В комплекте национальной мужской одежды первое место занимает папаха из бараньего меха – тельпек. Он не только согревает в холода и предохраняет голову от перегрева летом, но и олицетворяет собой гордость и благородство, помогает выработке красивой осанки и грации движений туркменских мужчин. Демонстративно сорвать его у кого-нибудь с головы в старину считалось высшим оскорблением, которое нередко смывалось кровью. Цвет шерсти тельпека являлся возрастным и социальным маркером.

Не только утилитарное, но и магическое, обереговое значение для туркмен имела вышитая тюрбетейка – тахья. Ее надевали детям уже через несколько дней после рождения. Даже старую тахью нельзя было отдавать другому человеку или выбрасывать, чтобы не навлечь на себя несчастье. Тахья несла информацию о девичьей чести, являясь символом красоты и целомудрия. Замужние женщины навсегда расставались с этим головным убором, покрывая голову платками. Вышитые узоры на мужской тахье символизировали сплоченность туркменских мужчин.

В наши дни жители Туркменистана продолжают с достоинством носить национальную одежду, но уже в более стилизованных вариантах. Для девушек и женщин ношение в учреждениях образования и государственных конторах традиционного платья приталенного силуэта с вышивкой от груди до пояса является правилом. Тахья входит в состав комплексного костюма учащихся школ и вузов, но также этот головной убор популярен и сам по себе. Мужчины пожилого возраста

надевают рубахи традиционного покроя, халаты и тельпеки. Тот факт, что многие элементы национальной одежды туркмен сохранились и по сей день, свидетельствует о бережном отношении народа к своим традициям.

Важность одежды в жизни туркмен отражают пословицы: «Бережешь халат – носишь, ухаживаешь за лошадью – ездешь», «Крой халат, посоветовавшись, – не будет коротким», «Кто хранит халат, дождетя нового; тому, кто бережет урожай, будет что есть», «Украшай сначала дом, потом сам наряжайся», «Лучший халат – новый, лучший друг – старый», «Халат по частям кроится, знакомство не сразу заводится», «Чужой халат не прикроет даже колен».

История туркменского народного костюма с древнейших времен до наших дней – зеркало, в котором отражены эстетические взгляды, ментальная идентичность, дух времени и образ жизни туркмен. Каждое новое поколение вносит в народный костюм специфичные для своей эпохи черты. Но остается неизменным главное предназначение национального костюма – формирование нравственной целостности личности туркмен. «Сегодня в Туркменистане ведется большая работа по осмыслению роли и места туркменского народа в истории мировой цивилизации. Ведь процессы возрождения независимого государства невозможно представить без возрождения самобытности национального менталитета» [3, с. 14].

Список литературы:

1. Янчук В.А. Экокультурная образовательная среда: формирование и развитие. Часть 2: От культурной к межкультурной компетентности / В.А. Янчук // Адукацыя і выхаванне. – 2013. - № 7. – С. 60-67.
2. Дашковский П.К. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование: монография / П.К.Дашковский, С.М.Карымова. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 252 с.
3. Разуваева Л.В. Современные туркмены. Связь с прошлым. Современные проблемы гуманитарных наук в мире, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. Казань. 2016. С. 14-16.
4. Туркменский национальный костюм. <https://ok.ru/turkmenska/topic/66098018569087>.

1.2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

СПЕЦИФИКА КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ БАЯННОЙ МУЗЫКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Кирченко Денис Александрович

*магистрант,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Республика Белоруссия, г. Гродно*

SPECIFICITY OF THE COMPOSITIONAL PRINCIPLES OF BAYAN MUSIC OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY IN THE STUDIES OF PROFESSIONAL PERFORMERS

Denis Kirchenko

*graduate student
Grodno State University named after Yanka Kupala,
Belarus, Grodno*

Аннотация. В статье уделяется внимание отдельным граням изучения композиционных принципов баянной музыки, представленных в аналитических работах баянистов-исполнителей. В качестве главного приоритета избирается жанр как один из факторов содержания музыкального произведения.

Abstract. The separate verges of study of principles of bayan compositions by bayan-players-performers are regarded in the article. Category of genre is elected as main priority, because it represents one of factors of maintenance of music works.

Ключевые слова: содержание; форма; стиль; жанр; тетрадь; жанровый синтез; игровая логика.

Keywords: maintenance; form; style; genre; notebook; genre synthesis; playing logic.

Главными аспектами исследований баянных композиций, выполненных профессиональными исполнителями, представляются содержание и форма. В свою очередь, категория музыкального содержания, оперирует, такими понятиями как стиль и жанр.

Необходимая информация в этой связи содержится, в частности, в работах П. Бычкова [1], Д. Варламова [2], К. Жабинского [3], В. Кириосова [4], А. Лебедева [2], В. Путилова [1], А. Сташевского [5], В. Ушенина [3], Ю. Чумака [6].

Ю. Чумак в статье «Эволюция творческого стиля В. Власова на примере «неофольклорной» линии», отталкиваясь от понимания сути стиля, напоминает, что в творчестве композитора возможны две альтернативы, связанные со стилем, а именно:

- стиль композитора может меняться на протяжении творческого пути;
- стиль композитора, являющийся коренным свойством личности, проявляется в его художественном почерке и остается неизменным.

Кроме того, Ю. Чумак акцентирует свое внимание на появление различных «неостилей» - неоклассицизма, необарокко, новой фольклорной волны, а также разъясняет, что «неостили» в баянной музыке второй половины XX века проявились в возрождении старых принципов на новой культурной основе, а не в результате копирования основ старинной музыки. В контексте различных «нео» исследователь рассуждает о неофольклоризме в баянной музыке, а именно, «новом фольклоре», который представляет собой тип музыкального мышления и заключается в сочетании профессионально-академических и природно-этнологических принципов отбора, и организации звукового материала. Эта проблема обусловлена тем, что приоритетным направлением в баянной музыке второй половины XX века является использование композиторами образцов подлинного фольклора (былин, частушек и др.) и имитаций звучания русских народных инструментов средствами симфонического оркестра.

Параллельно Ю. Чумак также пользуется понятием «фольклорный романтизм», который, с точки зрения исследователя, прослеживается в произведениях В. Власова, в которых используется метод цитатного проникновения фольклорного материала в процесс формообразования. Большинство таких композиций создано в ранний период творчества: «Вариации на темы двух русских народных песен» (1956 г.), «Вариации на тему украинской народной песни “Ой ходила девушка бережком”» (1959 г.), «Вариации на тему украинской народной песни “Ой за гаем, гаем”» (1961 г.), «Фантазия на тему украинской народной песни “Взял бы я бандуру”» (1971 г.), «Юмореска» (1975). Тем самым, думается, что понятие «фольклорный романтизм» не тождественно

понятию «неофольклоризм», который, в значительной мере, связан с отходом от прямого цитирования народных мелодий.

Именно это прослеживается в цикле В.Власова «Русский триптих», состоящем из пьес, сочиненных в разное время: «На ярмарке» (1964), «На тройке» (1969), «На вечерке» (1970). Методом композиторской работы становится сочетание собственного интонационного материала с элементами этнической иллюстративности. Это качество обусловило формирование определяющего стилизового компонента, связанного с использованием архаичных фольклорных попевок «с острыми вяжущими гармониями, сонористической тембральностью и применением шумовых эффектов» [6, с. 215].

Перейдем к жанровым явлениям.

Баянисты-исполнители нередко исследуют **распространение конкретных жанров**, как например, сонаты, рапсодии, сюиты.

Бычков П. и Путилов В. в своей работе [1] обращают внимание на то, что в 70-е годы XX века происходит интенсивное развитие *жанра сонаты* для баяна. К данному жанру обращались в своем творчестве такие композиторы, как А. Тимошенко, В. Золотарев, Ю. Шишаков и др. В творчестве композиторов этого периода наблюдается обращение к традициям классической камерно-инструментальной музыки.

Появились произведения, сочетающие в себе признаки двух или нескольких жанров. Композиторы стали обращаться к трехчастному циклу: В. Семенов (Соната № 1), В. Золотарев (Соната № 2); двухчастному циклу: Г. Баншиков (Соната № 3), В. Зубицкий (Соната № 1); одночастные сонаты написаны М. Голубь (Соната № 3), К. Волковым (Соната № 1); пятичастная соната С. Губайдулиной «Et exspecto».

П. Бычков и В. Путилов рассматривают тенденции в развитии жанра сонаты для баяна (середина 60-х - конец 70-х гг. XX в.), отмечая особенности формы сонаты (одно-, двух-, трех-, четырехчастные циклы). В частности, анализируется ладогармонический язык сонаты № 1 В. Веккера, выявляются ее образно-ассоциативные связи с русской музыкой. Исследуя язык В. Веккера, авторы указывают на

- оригинальные приемы композиции и ладотональное мышление, преемственность творчества И.Ф. Стравинского;
- преемственные ладогармонические связи с народным творчеством и тембровую «имитацию» с народно-инструментальным творчеством в новом инструментальном контексте.

В оригинальной музыке для баяна в 80-90-х годах XX века получает распространение *жанр рапсодии*. К этому жанру обращаются А. Дудник, В. Золотарев, В. Подгорный, В. Семенов. Анализ баянных

композиций убеждает в том, что рапсодиях, как правило, предполагают наличие первичного источника. Так, например, в статье К. Жабинского и В. Ушенина “Брамсиана” В. Семенова в репертуаре современного баяниста: проблемы интерпретации» акцентируется факт, отраженный в высказывании самого В. Семёнова: «“Брамсиана” – это музыкальное приношение великому автору, который с большой любовью... работал с венгерским фольклором. Отдельные танцы сделаны Брамсом просто роскошно, на некоторые же – в особенности последние – видимо, не хватило времени» [3]. В статье К. Жабинского и В. Ушенина подчеркивается именно «поэтизация танцевальных жанров», которую невозможно не слышать, прежде всего, в «Венгерских танцах». Авторы статьи высказывают убеждение в целесообразности ориентации баянных произведений на музыку прошлого, в связи с чем, считаем показательным еще одно высказывание В. Семенова: «Искусство не стоит на месте. Брамс сочинял в определенное время и для вполне конкретных инструментов. Поэтому создание новых, оригинальных сочинений <на тематическом материале классики. – К.Ж., В.У.> я считаю более перспективным направлением, чем переложение и транскрипция» [3].

Жанр сюиты, в достаточной мере утвердившись в баянной музыке, определенным образом трансформируется. В частности, в исследованиях получаем информацию о том, что в баянной музыке становится распространенным новый жанр «Тетрадь», являющийся разновидностью сюиты (В. Зубицкий «Болгарская тетрадь», А. Сташевский Сюита-тетрадь «Древнекиевские фрески»). Основные черты этого жанра: наличие большого количества частей, которые связаны одной идеей, все части идут одна за другой без пауз (атасса). При прослушивании такого рода произведений ощущается эффект, который напоминает перелистывание страниц музыкальной тетради.

Баянная музыка второй половины XX века характеризуется созданием жанровых неологизмов, т. е. новых жанровых форм, к которым относятся такие, как *концерт-коллаж* (В. Зубицкий Концерт «Россиниана»), *концерт-пикколо* (В. Рунчак Концерт-пикколо «Messe da Requiem»), *открытая (нестабильная или алеаторная) форма* (В. Власов «Infinito»), *квази-соната* (Л. Самодаева Квази-соната), *сюита-тетрадь* (В. Зубицкий «Болгарская тетрадь»).

В статье А. Сташевского «Жанровые и формообразующие аспекты современной баянной музыки (на примере украинских композиторов)» анализируется жанровая и формообразующая стороны современной музыки для баяна, рассматривается **феномен жанрового синтеза**, а также предлагается классификация новых жанровых проявлений.

Обращается внимание на то, что в области баянной музыки второй половины XX века переплетаются передовые творческие искания и прогрессивный опыт в области технологии музыкальной композиции. Одной из главных тенденций является синтез жанровых детерминант. В качестве подтверждения анализируются баянные сонаты Ю. Шамо и В. Зубицкого с точки зрения совмещения жанровых признаков. Так, в сонате № 2 В. Зубицкого прослеживается синтез сонаты и старинной сюиты.

Из статьи становится известно еще об одном виде синтеза – объединении черт сольного инструментального и симфонического циклов. Не случайно, сочинения имеют соответствующие названия: *Сюита-симфония* (В. Власов), *соната-симфония* (В. Дикусаров), симфонии «Страсти по Владиславу», написанной для баяна, чтеца, рок-группы, видеоряда и симфонического оркестра (В. Рунчак). Примерами жанрового синтеза также являются произведения, которые объединяют в себе признаки крупных форм и миниатюр. В качестве примера называется соната-экспромт В. Власова, где сонатное аллегро включает разделы, напоминающие импровизацию мелодических построений.

Относительно **собственно структурного аспекта** представляет интерес разъяснение конкретных приемов баянного исполнительства в их отношении к формообразованию.

В статье Д. Варламова и А. Лебедева «Игровая логика в контексте логики музыкальной композиции концертов для баяна» авторы опираются на работы Е. Назайкинского, считая, что именно он существенно расширил спектр научных представлений о логике музыкальной композиции.

В статье сообщается, что на композиционном уровне, применительно к жанру концерта, наблюдается тенденция к логическому объединению частей и образованию одночастного сочинения (Концерт-поэма А. Репникова) либо превращение в одночастную жанровую зарисовку (концерт Г. Шендерова «Волжские картины»). Авторы дифференцируют игровую логику на две позиции: авторскую и исполнительскую. В одном и другом случае понятие «игровая логика» может истолковываться двояко: как логика музыкального исполнения, либо моделирование «детской игры», связанное с комбинаторикой элементов. Исследуется и важнейший игровой ресурс – многотембровость, которая наполняя исполнительский процесс различными оркестровыми ассоциациями и стереофоническими эффектами, расширяет возможности логики музыкального исполнения, основанной на взаимодействии баянных тембров. В этой связи считает показательным то, что в 90-е годы XX века новым явлением стало

сочинение произведений для баяна и отдельных инструментов симфонического оркестра. Примерами таких сочинений являются сочинения С. Губайдулиной: партита «Семь слов Христа на кресте» для виолончели, баяна и струнного оркестра, «In Croce» для баяна и виолончели, «Silenzio» для баяна, скрипки и виолончели. Произведения С. Губайдулиной отличаются необычными образами, которые достигаются при помощи различных сонорных средств. Для баяна такими средствами являются кластеры на тремолирующем движении меха, нетемперированное глissандо, учащенное движение воздуха из отдушника баянного меха и др.

Таким образом, исследования баянистов-исполнителей, убеждают в том, что композиторы второй половины XX века продемонстрировали индивидуальный подход в поиске новых жанровых форм посредством адаптации устоявшихся канонов традиционной жанровой системы к специфике эволюции баянного исполнительства.

Список литературы:

1. Бычков П.П., Путилов В.Д. Музыка для баяна уральских композиторов (соната № 1 В. Веккера) / П.П. Бычков, В.Д. Путилов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. - 2016. - № 1 (45). - С. 161-172.
2. Варламов Д.И., Лебедев А.Е. Игровая логика в контексте логики музыкальной композиции концертов для баяна / Д.И. Варламов, А.Е. Лебедев. – Режим доступа. – file:///C:/Users/E51C~1/AppData/Local/Temp/igrovaya-logika-v-kontekste-logiki-muzykalnoy-kompozitsii-kontsertov-dlya-bayana.pdf. – Дата доступа: 21.11.2017.
3. Жабинский К.А. Ушенин В.В. «Брамсиана» В. Семёнова в репертуаре современного баяниста: проблемы интерпретации / Жабинский К.А., В.В. Ушенин. – Режим доступа: [http://www.ushenin.com /articles/ semenov bramsiana.php](http://www.ushenin.com/articles/ semenov bramsiana.php). – Дата доступа: 18.12.2017.
4. Кирносов В. Традиции и новации в современной баянной музыке / В.Н. Кирносов // Музыка изменяющейся России. – 2007. – С. 136-143.
5. Сташевский А. Жанровые и формообразующие аспекты современной баянной музыки (на примере творчества украинских композиторов) / А. Сташевский // Studia Pedagogiczne. Problemy Społeczne, Edukacyjne. – 2014. - Artystyczne 23. – С. 117-126.
6. Чумак Ю. Эволюция творческого стиля В. Власова на примере «неофольклорной» линии/ Ю.М. Чумак // Грамота. – 2013. - № 3 (29): в 2-х ч. - Ч. II. - С. 213-216.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПИПЫ ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ КИТАЯ

Ли Я

аспирант,

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Республика Белоруссия, г. Минск*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению одного из самых распространенных и известных китайских щипковых музыкальных инструментов – пипы. Автор прослеживает историю создания инструмента и проводит сравнительное изучение южной и северной пипы с точки зрения изменения формы, тембра, способа исполнения, нотации и других аспектов. Кроме того, детально рассматривает два разных пути развития пипы, как способа передачи изящной древней китайской музыки.

Ключевые слова: пипа; щипковый музыкальный инструмент.

Пипа – вид древнего струнного щипкового музыкального инструмента, получивший распространение в период династий Цинь и Хань и пользующийся популярностью и в наше время. Инструмент модернизировался и передавался из поколения в поколение на протяжении более тысячи лет [2, с. 33]. Пипа – дивный цветок китайской музыкальной культуры, она занимает важное место в истории развития китайской этнической музыки. Модернизация и сохранение этого инструмента из поколения в поколение отражает развитие китайской музыкальной культуры. После становления Китайской Народной Республики, пипа, имевшая после циньской эпохи 4 неподвижных лада и 10 или 12 дополнительных ладов, развилась до пипы с 6 неподвижными ладами и 24 или 26 дополнительными ладами; расширился диапазон, лады; с помощью двенадцатиступенной расстановки стало возможным произвольное модулирование [2, с. 37]. Из первоначального варианта с поперечным хватом, пиццикато, с четырехладного инструмента, пипа развилась до инструмента с 6 неподвижными ладами и 24 или 26 дополнительными ладами [2, с. 37]. Под влиянием мощного интегрирующего слияния китайской культуры, пипа из чужеземного музыкального инструмента превратилась в настоящий народный музыкальный инструмент китайского государства. Почему же существует разделение на южную пипу (вариант южных регионов Китая) и северную пипу (вариант северных и центральных регионов Китая)? Это вызвано тем, что, несмотря на единство

происхождения южного и северного вариантов пипы, в результате развития эти инструменты постепенно приобрели свои особенные черты. Самое раннее упоминание пипы в письменных источниках имеется в этимологическом словаре «Шимин, комментарии в отношении музыкальных инструментов» автора Лю Си времен правления династии Восточная Хань [1, С. 22]. Начиная с эпохи династий Цинь-Хань до династии Тан, название «пипа» относилось ко всем переносным струнным щипковым инструментам, которые держали руками, включая две следующие разновидности: первая развилась от пипы с летящей струной, впоследствии ставшей предшественницей саньсяня (китайского трехструнного щипкового музыкального инструмента). Другой вид стал прародителем циня, чжэна, цимбал и шэна. Пипа упоминается в произведении «Новая история династии Тан. Повествование с истоков» автора Оуян Сю. Пипа имеет изогнутую шейку, усилитель в виде груши, 4 струны закреплены в 4 неподвижных лада, тыльный изгиб составляет примерно 90 градусов. Упоминается в «Книге об эпохе Суй. Музыкальные заметки» автора Вэй Чжэн [1, с. 23]. Таким образом, мы видим, что пипа династий Цинь-Хань отличается от той, которую мы используем в настоящее время. Отличия южной и северной пипы обусловлены изменением кривизны тыльной стороны инструмента. Во времена династий Суй и Тан социальная стабильность и экономическое процветание способствовали усилению культурных связей между странами Запада и Китаем. Начиная со времен этих династий (Суй и Тан) «пипа» получила название «пипа с изогнутой тыльной стороной» [1, с. 25]. В настоящее время пипа – это четырехструнный инструмент с 4-мя ладами грушевидной формы с изогнутой тыльной стороной, задняя часть которого преимущественно сделана из сандалового, красного и розового деревьев, а передняя из древесины павловния [1, с. 24]. В период династий Мин и Цинь форма пипы и способ игры на ней потерпели заметные изменения: обычная четырехладовая пипа приобрела вид пипы, имевшей 4 неподвижных лада и 10 дополнительных ладов или 4 неподвижных лада и 12 дополнительных ладов, расширился диапазон звучания. Головная часть грифа стала длиннее, угол изогнутости тыльной стороны уменьшился с 90 градусов до 45, исполнение стоя стало более удобным (способ держания северной пипы изменился с поперечного обхвата на вертикальный обхват, способ держания южной пипы остался верен традициям Танской династии – поперечный обхват). Музыкальные произведения, исполняемые на пипе в то время, стали разнообразнее [1, с. 26]. В период республики (1912-1949 гг.) стандартная форма северной пипы уже была определена. Длина инструмента составляла от 96 до

104 сантиметров. Господин Чэн Ву Цзя расположил струны в соответствии с двенадцатиступенной расстановкой, что изменило пипу с 4 неподвижными ладами и 12 дополнительными ладами на пипу с 6 неподвижными и восемнадцатью дополнительными ладами [1, с. 26]. После становления Китайской Народной Республики, укрепления национального единства, экономического процветания, развитие музыки стремительно пошло на подъем. На сегодняшний момент северная пипа из пипы с 6 неподвижными и восемнадцатью дополнительными ладами развилась до пипы с 6 неподвижными ладами и 24, 25 или 28 дополнительными ладами, диапазон звучания значительно расширился и достиг трех с половиной октав, 12 полных полутонов и возможностью произвольной модуляции. Струны изменились с оригинальных на стальные или стальные, обмотанные нейлоном, звук стал извлекаться не при помощи собственно ногтя исполнителя, а с помощью плектра, изготовленного из целлулоидного материала. Это сделало звучание пипы более полным, ярким и сильным [1, с. 27]. Пипа с южным звучанием, сокращенно называемая южной пипой (во времена правления династий Тан и Сун, застольная музыка при императорском дворе просочилась в южные регионы провинции Фуцзянь и сформировала среди народной музыки «южное звучание»), стала одним из самых главных музыкальных инструментов Южного Китая, в частности провинции Фуцзянь, и стала играть ведущую роль при исполнении южной музыки [3, с. 18]. Южная пипа имеет изогнутую тыльную сторону, 4 струны, 4 неподвижных и 10 дополнительных ладов, две точки акупунктуры, исполнение ведется в полусогнутой позе с поперечным обхватом инструмента. До нашего времени форма южной пипы сохранила особенности, характерные для династий Мин и Цин; для нотации используется древнее китайское нотное письмо, способ держания остался традиционным со времен Танской династии: поперечный обхват [3, с. 19].

Рисунок 1. Пипа

Южная пипа имеет грушевидную форму, узкую горловину и широкую, плоскую середину, большую дихирию, высокий верхний порог, две точки акупунктуры и тонкую изогнутую тыльную сторону. Головка грифа располагается под тупым углом в 135 градусов. Пипа имеет 4 неподвижных и 9 или 10 дополнительных лада, длина инструмента составляет около 96 сантиметров, ширина – около 33 сантиметров, рабочая линия составляет около 71 сантиметра и масса – около полутора килограмм. Декорирована яркими ракушками, что делает ее не столько изящным музыкальным инструментом, сколько искусным художественным изделием ручной работы. Следуя традициям династии Мин, пипа имеет 4 неподвижных и 9 дополнительных лада или 4 неподвижных и 10 дополнительных лада, смежные неподвижные и дополнительные лады образуют тона и полутона, диапазон звучания близок к трем октавам [6, с. 37]. Северная пипа имеет длинную грушевидную форму, дихирию, сделанную из бамбука, широкий шейный изгиб, 6 неподвижных и 24 или 25 дополнительных лада, длина инструмента – около 102 сантиметров, ширина - около 30 сантиметров, задействованная длина струн - 73 сантиметра, вес составляет около четырех килограмм. Верх, изготовленный из твердой древесины, обрамлен рисунками различной формы из кости, также могут быть вставлены изделия из ракушек или каллиграфические или живописные изображения. Инструмент выходит ярким, но в то же время изысканным. 6 неподвижных и 24 или 25 дополнительных лада образуют 12 полутонов, которые можно произвольно модулировать. Между подвижными и дополнительными ладами одинаковые промежутки в полутон. Звучание достигает трех с половиной октав [6, с. 39]. Звучание северной пипы можно охарактеризовать как “свободное”, “легкое, звенящее”, “рассыпающееся” и т. п. Выходящий звук довольно мощный, увесистый, звук способен передаваться на достаточно большое расстояние. Южная пипа сохранила изысканный древний стиль звучания, особое внимание уделяется спокойному, сдержанному, простому звучанию. В южной пипе средняя часть широкая, левая рука перемещается незначительно, аппликатура правой руки преимущественно точечная, поднимающаяся и падающая, отдаляющаяся и т. п. Северная пипа длинной грушевидной формы, средняя часть немного более узкая, аппликатура правой и левой руки требует весьма искусной техники исполнения. В настоящее время в процессе создания произведений на северной пипе, часть мелодии подчеркивает ослепительное мастерство игры на пипе. Техника игры на северной пипе очень сложна, высокие, средние и низкие звуки постоянно повторяются, поэтому необходим вертикальный обхват инструмента, вследствие чего обе руки двигаются более активно и повышается

их маневренность. Для южной пипы применяется свой собственный уникальный метод музыкальной нотации – традиционное китайское нотное письмо. Традиционное китайское нотное письмо принадлежит к видам нотной записи с фиксированной табулатурой, при которой каждой последовательности аккордов и звуку присвоено уникальное обозначение. Основной тон, октава выше, октава ниже, случайные альтерации также имеют свою собственную уникальную систему символов (благодаря использованию данной системы, записанная уникальными выразительными символами музыка доциньской эпохи дошла до наших дней) [4, с. 7]. Для северной пипы применяется главным образом нотно-цифровая запись (например, цифры «1, 2, 3, 4, 5, 6, 7» обозначают ноты), что согласуется с международными стандартами. В некоторых случаях также используется нотный стан. Для обозначения последовательности аккордов северной пипы применяются знаки «一, 〃, 三, х», что обозначает «однострунный, двухструнный, трехструнный и четырехструнный» соответственно [4, с. 9]. В «южной музыке» с ее богатым культурным наследием, элегантною простотой, глубокой сдержанностью и очарованием нельзя не признать влияния местных наречий жителей провинции Фуцзянь, и даже диалектов жителей Тайвани, Гонконга, Макао и китайских диаспор в других странах. Она обеспечивает духовную связь жителей юга Китая, и, впитав особенности передававшихся на протяжении тысяч лет древних музыкальных жанров, ее уникальная форма сохранилась до наших дней [5, с. 42]. Южная пипа стала основой южного звучания, его ведущим инструментом и передающимся из уст в уста наследием древних искусств. Северная пипа в современном мире переживает небывалый расцвет. Северная пипа модернизируется, для нее пишут множество новых произведений, изобретают новые приемы игры на ней. Теория искусства игры на северной пипе становится все более комплексной и системной. Часто проходят концерты для широкой аудитории. Для того чтобы заставить северную пипу отвечать требованиям современности, происходит ее модернизация, при ее изготовлении применяются различные материалы, и так возникает гремющая пипа, лунная пипа, пипа с высоким звучанием, электропипа, кристальная пипа [4, с. 9]. Современные композиции для пипы можно разделить на два основных типа: первый – произведения, написанные исполнителями на пипе. К таким можно отнести, например, «Музыку для балета народности И» Ван Хуэйжань, «Ночь праздника факелов» У Цзюньшэн, «Ритм» У Юйся и другие. К другому типу относятся произведения, написанные композиторами специально для пипы, такие как «Хуа Мулань» Гуань Жэнь, «Пожелание» Чжао Ципин, «Весна» Тан Цзяньпин и другие [4, с. 10]. Профессиональное образование

и распространение знаний о северной пипе уже вступило на путь систематизации, стандартизации и становления как науки. Получили распространение многочисленные материалы по пипе, такие как «Обучение пипе для детей» Хэ Цзисай, «Обучение основам игры на пипе» У Юйся [4, с. 11] и другие издания по технике игры на пипе. Обучение игре на северной пипе подразделяется на две основные категории: общее и профессиональное. В аспекте общего образования, общий уровень профессионализма преподавателей был поднят, обучение строится на индивидуальном подходе в соответствии со способностями, что способствует повышению интереса учащихся и повышению базового уровня начинающих. В аспекте профессионального образования, все консерватории и музыкальные училища Китая ввели специальности связанные с пипой. Основное внимание уделяется изучению традиционной музыки и умножению знаний по современным направлениям, что позволяет учащимся воспринимать традиционные и современные произведения в их гармонии, а также применять композиционные приемы для создания музыки для пипы. Благодаря упорному труду поколений музыкантов и композиторов, южная и северная пипа сохранились до наших дней, следуя своим уникальным путям развития. Основная роль южной пипы заключается в сохранении традиционной музыкальной культуры, в то время как для северной характерны инновации. Но уникальные черты каждого из вариантов пипы способствуют диверсификации и развитию искусства. Историческая роль пипы очень важна: она пользовалась популярностью как среди правящего класса и сановников, так и у простого народа. Пипа имеет как культурную, так и эстетическую ценность. На протяжении долгой истории своего развития, пипа вошла в музыкальную культуру ханьцев, стала основным элементов этнической музыкальной культуры национальных меньшинств и диаспор, а также стала формой музыкального искусства, почитаемой образованными людьми прошлых веков [3, с. 26]. Это позволило ей сохранить свою популярность на протяжении тысяч лет. В настоящее время существует большое количество научной литературы о происхождении пипы, ее форме, эстетике и других аспектах. В настоящей статье представлены обобщенные комплексные результаты таких исследований, от истории развития пипы вплоть до сравнения особенностей формы, звучания, способа исполнения и нотной записи для южного и северного вариантов пипы. Понимание истории пипы, закона ее развития, развития культуры этнической музыки Китая имеет практическое значение для нашей современности, а также для будущей научно-исследовательской работы.

Список литературы:

1. 韩淑德、张之年, 《中国琵琶史稿》,四川:人民出版社=хань, шудэ. Чжан, чжинян. Китайский пипа История/шудэ хань, чжинян Чжан//народное издательство. -1985. - № 11. - С. 21-27.
2. 杨荫浏, 《中国古代音乐史籍》,人民音乐出版社=ян, инлю. древние китайские истории музыки/инлю ян//музыкальное издательство народа. - 2004. - № 5. - С. 33-41.
3. 王耀华, 《福建南音》,人民音乐出版社=ван, яохуа. Фуцзянь Южная Инь/яохуа ван//музыкальное издательство народа. - 2002. - № 8. - С. 17-26.
4. 吴俊生, 《琵琶演奏法》,山东:人民出版社=ву, цзюньшэн. метод пипа играть/цзюньшэн ву//народное издательство. -1975. - № 2. - С. 7-12.
5. 郑国权, 《保护南音文化的基础建设》,福建艺术=чжэнь, гоцюань. Защита культурной инфраструктуры Южная Инь/гоцюань чжэнь // Фуцзяньнародное издательство. - 2008. - № 1.- С. 42-49.
6. 陈惠清, 《琵琶艺术发展完善的历史轨迹》,音乐研究=чэнь, хуйцин. пипа развития истории искусства/хуйцин чэнь // Музыкальные исследования. - 1996. - № 10. - С. 37-43.

РАЗДЕЛ 2.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР КАК РЕЗУЛЬТАТ НЕСОВПАДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Рытова Инна Григорьевна

*канд. филол. наук, доцент
МГУ им. М.В. Ломоносова,
РФ, г. Москва*

Inna Rytova

*candidate of Philology, assistant professor
in Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow*

Аннотация. Статья посвящена явлению столкновения культур разных народов, проявляющегося в самых разных областях деятельности человека. Это - еда, одежда, музыка, архитектура, жесты, а также традиции, обычаи, мировоззрение, мораль и т. д., то есть все то, что находит свою реализацию в языке и приводит нас к пониманию различия культур, несущих в себе отличающееся мировоззрение и мироощущение. Эти различия адекватно воспринимаются лишь тогда, когда есть знание реалий составляющих картину мира той или иной языковой общности. Поэтому столкновение культур есть не что иное, как результат несовпадения картин мира, присущих разным языковым сообществам.

Ключевые слова: языковая картина мира; столкновение культур; языковая общность; культурная картина мира; многообразие языков.

В настоящее время в результате многочисленных потрясений глобального масштаба в мире происходит активная миграция населения, его расселение и смешение. Возникают новые формы, виды и возможности человеческого общения. Отсюда неизбежность столкновения культур. Такого рода столкновение чревато не только комическими и курьезными случаями, но и драматическими и даже трагическими последствиями.

Возьмем хотя бы нашу традицию достаточно часто и, возможно, много чаще, чем на западе, дарить подарки, цветы, приглашать к себе домой, угощать. Это воспринимается не как проявление душевной щедрости, но как некая непонятная эксцентричность или демонстрация очень высокого уровня материального достатка. Очень часто это просто-напросто удивляет иностранцев. Они не знают и не понимают, что это проявление русской щедрости и гостеприимства. Русским, в свою очередь, непонятно, почему, приходя в гости, иностранец может принести крохотный кусочек мыла в элегантной коробке, перевязанной цветной лентой с большим бантом и чувствовать себя весьма удовлетворенным и гордым по этому поводу. Считается, что необходимо извиниться, когда кому-то тем или иным образом наносится ущерб. А в судебной практике нередки случаи облегчения приговора, если обвиняемый приносит извинения, раскаивается и сожалеет о том, что сделал. В японской культуре принято часто извиняться. Ученые говорят о «магической силе извинения» в Японии и о том, что у японцев «искреннее прощение ведет к примирению». Например, американцу, допустившему незначительную оплошность при прохождении проверки был сделан выговор официальным лицом из иммиграционного бюро. И он отчаянно пытался объяснить, что он не виноват. Но служащий не реагировал на эти объяснения. И только тогда, когда американец, исчерпав все возможности, сказал «I am sorry», служащий улыбнулся и дело было быстро улажено [1, с. 127,129]. Разгадка данного случая заключается в том, что в японском обществе не принято говорить «я не виноват, я не сделал ничего плохого». Но, если кому-то плохо от того, что вы что-то сделали, хотя вашей вины в этом может и не быть, лучшее, что вы могли бы сделать в данной ситуации, – это извиниться.

Для европейца непостижимо, когда после того, как кто-то сделал тебе что-то хорошее, человек выражает свое глубокое сожаление. В Японии гости, приглашенные на ужин, уходят не со словами «спасибо за прекрасный вечер», но извиняясь и сожалея о том, сколько хлопот они вам доставили [1, с. 133].

Примеры столкновения культур можно приводить до бесконечности. Но что же делать? Как максимально уменьшить потери от данного феномена? Выход в данном случае ученые видят в таких образовательных предметах, как лингвострановедение, социолингвистика, «мир изучаемого языка», преподавание которого ведется на факультете иностранных языков МГУ. Эти предметы раскрывают связь единиц языка и языковых явлений с социальными факторами, как-то: традициями, обычаями, особенностями общественной и культурной жизни языкового коллектива.

Вильгельм фон Гумбольдт писал, что различие языков «есть не различие звучаний и знаков, но различие самих картин мира» [10, с. 173], причем каждая из них, по его мнению, всегда национально-субъективна. Гумбольдт отнюдь не воспринимает язык как отвлеченную знаковую систему, но всегда подчеркивает, что язык является ни чем иным, как отражением картины мира языкового коллектива [8, с. 192]. Гумбольдт полагает, что многообразие языков есть бесценный дар, который дает возможность человечеству не только «мысленно охватить мир во всей его полноте и со всем его разнообразием», но и создать основу для его собственного духовного развития [11, с. 222]. Продолжая его мысль Л.Вайсгербер отмечает, что «многообразие языков является величайшей философской проблемой», поскольку решение ее ведет к новым открытиям в области теории познания, философии, истории, логики, онтологии и этики [13, с. 293].

Картина мира носителей языка раскрывает многие смысловые нюансы исторического, политического и культурного характера в языке и речи. Эти нюансы адекватно воспринимаются тогда, когда есть знание реалий составляющих картину мира той или иной языковой общности [8, с. 39].

Человек живет в рамках своей культуры и нередко ему представляется, что его образ жизни, его менталитет - единственно возможный в этом мире.

Тем не менее наступает момент, когда мы вдруг сталкиваемся с другой, чужой для нас культурой. И тогда мы начинаем понимать, что есть различия в мировоззрении и мироощущении других культур. И уже такого рода конфликт, может быть чреват определенной опасностью, поскольку неправильное поведение, реакция на события могут привести к куда более болезненным переживаниям, чем просто языковые ошибки, которые, как правило, легко прощаются.

Люди, не знающие иностранных языков, обычно не замечают ни столкновения культур, ни конфликта языков, который наиболее очевидно проявляется в лексике, то есть в том, что лежит как бы на поверхности, однако требует глубокого понимания не только его значения, но и того, что стоит за этим словом [8, с. 42].

Многие ученые склонны считать, что наиболее эффективное усвоение и понимание иностранного языка может происходить только на основе сопоставления с родным языком, когда наиболее явственно выступают и различия языков и культур. «Сравнительное изучение языков важно и существенно для постижения всей совокупности духовной деятельности человечества», пишет Гумбольдт [4, с. 377]. Если же ограничить себя знанием лишь одного языка, то слова разных языков могут показаться абсолютно эквивалентными. «Множественность языков», - утверждает Вайсгербер, - «дает как обогащение посредством множественности способов воззрения, так и защиту от переоценки какого-то частичного познания как единственно возможного» [13, с. 292; 9, с. 43].

Мир, окружающий человека предстает в трех формах:

1) реальная картина мира или объективный окружающий человека мир;

2) культурная (понятийная или концептуальная) картина мира – отражение реальной картины с помощью понятий и представлений человека, сформированных на основе исторического развития, географического положения, климата, природных условий, традиций, верований, образа жизни и т. п. [8, с. 47]; исходя из того, что «...культура – продукт совместной жизнедеятельности людей, система согласованных способов их коллективного существования». Это язык коммуникации, правила общежития, социальные устои, нормативный этикет – все, что вырабатывается обществом в процессе его жизнедеятельности и передается из поколения в поколение [7, с. 37];

3) языковая картина мира – часть культурной (концептуальной) картины.

Безусловно, национальная культурная картина мира шире, богаче и глубже языковой. Тем не менее именно в языке происходит ее реализация. Именно язык сохраняет и передает ее новым поколениям [8, с. 55]. Каждый язык отражает национальную специфику и не только своеобразие природных условий, культуры, но и особенности национального характера конкретной языковой общности [2, с. 21]. Для Гумбольдта, язык – отражение народного духа, чей характер в «наиболее полном и очищенном виде проявляется прежде всего в живой речи» [4, с. 374].

С.Г. Терминасова сравнивает слово с кусочком мозаики, при сложении которых каждый язык получает свою картину, отличающуюся от всех остальных. Согласно А. Вежибицкой, каждый язык формирует свою «семантическую вселенную» [2, с. 21]. «Всякий язык, - пишет В. Лютер в своей книге «Картина мира и духовная жизнь»,

предлагает...уже имеющееся понимание мира, от власти которого человек не может освободиться, как от своей кожи» [12, с. 180]. Мы не найдем человека, независимого от языка, или существующего вне языка.

Получается, что язык заставляет человека смотреть на мир каким-то своим определенным образом. Например, там, где русский человек видит два цвета – синий и голубой, англичанин видит лишь один синий. При этом английское *blue* охватывает более широкий спектр цвета, чем русский синий [6, с. 177]. Это – *sky-blue*, *pale-blue*, *dark-blue*, *navy-blue*. Где русский видит лишь один предмет – рука, англичанин видит два – *hand* и *arm*.

Разумеется, каждый язык способен отразить действительность, и, если надо сказать голубой по-английски, то мы скажем *sky-blue* или *pale-blue* [9, с. 56]. Если нам потребуется назвать по-русски слово *hand*, то помимо слова *рука* мы можем использовать и слово *ладонь*.

Любопытно, что цвета спектра ассоциируются у разных народов с разными предметами. Например, желтый цвет у русских связан с образом осеннего листа или одуванчика, у украинцев – с подсолнухом, у французов – с золотом или яичным желтком, у американцев – с маслом. Белый цвет у русских ассоциируется со снегом, а у узбеков – с хлопком, у казахов и киргизов – с молоком.

Говоря о положительных и отрицательных коннотациях, мы должны отметить, что белый цвет у большинства народов связан с представлением о чистоте, невинности, свадьбе и наряду с этим больнице и смерти. Желтый цвет традиционно у русских, немцев, французов и поляков символизирует измену, разлуку, фальшь; у американцев и англичан – трусость, у белорусов, украинцев – болезнь и смерть [5, с. 41-43]. В Индии желтый цвет – это цвет счастья, гармонии, силы разума.

Лексический эквивалент русского слова утро – английское *morning*. Однако в отличие от русского составляет двенадцать часов. Начинается в двенадцать ночи и заканчивается в полдень. А английский вечер *evening* начинается с пяти-шести часов и заканчивается к восьми часам русского вечера. И с восьми вечера до полуночи длится короткая английская ночь [8, с. 69].

Таким образом, изучая иностранный язык, мы осваиваем новый мир. И, естественно, что одновременно с этим происходит перестройка мышления, что не каждому дается легко. И, как мы понимаем, в разных языках слова обладают разной семантической емкостью, то есть охватывают различные кусочки реальности. Мы изучаем иностранный язык и проникаем в культуру общности, говорящей на этом языке. В свою очередь, эта новая культура оказывает воздействие на нас.

В результате на первичную картину родного языка накладывается картина мира изучаемого языка. Ученые полагают, что в рамках одного языкового сознания рождаются мысли и даже чувства, которые не могли бы быть реализованы в рамках другого языкового сознания, то есть понятия, присутствующие в одной картине мира и отсутствующие в другой [2, с. 21]. И под влиянием вторичной картины мира изучаемого языка меняется характер мышления и сама личность человека, являющаяся продуктом языка и культуры, приобретает новые оттенки и грани. Недаром многие утверждают, что русские преподаватели иностранного языка приобретают черты той национальной культуры, чей язык они преподают [8, с. 58]. В итоге мы приходим к выводу о том, что язык – это отражение окружающего нас мира, в котором отражается наш образ жизни, поведение, наши отношения с другими людьми, наши ценности и наша культура. Язык необходим человеку для организации и устройства его жизни. Родной язык незаметно для человека самого участвует в его жизни и формировании его личности [13, с. 51-53,61]. Язык вмещает в себе как внешний, так и внутренний мир человека. С точки зрения Гумбольдта, разные языки – «не различные обозначения одной и той же вещи, но различные видения ее... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [4, с. 349]. «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем..., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей» [3, с. 25].

Язык – фактор, формирующий личность. И с момента нашего рождения он передает далеко не объективно-беспристрастную картину мира, систему ценностей, знаний о людях, их образе жизни и культуре той языковой общности, в которой нам довелось родиться и жить.

Язык – это средство коммуникации, позволяющее нам общаться с людьми не только внутри одного и того же языкового коллектива, но с его помощью мы можем перешагнуть границы одной картины мира, постигая другие миры и обогащая свой опыт и знания о мире в целом.

Список литературы:

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. - М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
2. Вежбицкая А. Язык, Культура, Познание. - М.: «Русские словари», 1996. – 416 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. - М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

5. Залевская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов. // Этнопсихоллингвистика. - М.: Академия Наук СССР, Наука, 1988. – С. 34-48.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М.: МАЛП, 1999. – 341 с.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. - М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. – 315 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: МГУ, 2004. – 350 с.
9. Humboldt W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus, 1826 // По кн. Л.П.Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта». - М.: ВШЭ, 2013. – 409 с.
10. Humboldt W. von. Ueber das vergleichende Sprachstudium in beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung, 1820 // По кн. Л.П.Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта». - М.: ВШЭ, 2013. – 409 с.
11. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues, 1829 // По кн. Л.П.Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта». - М.: ВШЭ, 2013. – 409 с.
12. Luther W. Weltansicht und Geistesleben. 1954 // По кн. Л.П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта». - М.: ВШЭ, 2013. – 409 с.
13. Weisgerber L. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft, 1964 // По кн. Л.П. Лобановой «Концепция языковой картины мира Л. Вайсгербера в статическом и энергетическом описании». - М.: ВШЭ, 2013. – 326 с.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

3.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА

Джабраилова Валида Саидовна

*канд. филол. наук, доц. кафедры романо-германских языков
Московского государственного
гуманитарно-экономического университета,
РФ, г. Москва*

Белозерцева Наталья Васильевна

*канд. пед. наук, доц. кафедры романо-германских языков
Московского государственного
гуманитарно-экономического университета,
РФ, г. Москва*

ON ENGLISH SLANG TRANSLATION

Valida Dzhabrailova

*PhD, Associate Professor of Romano-Germanic languages department,
Moscow State University of Humanities and Economics,
Russia, Moscow*

Natalia Belozertseva

*PhD, Associate Professor of Romano-Germanic languages department,
Moscow State University of Humanities and Economics,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматривают причины, осложняющие работу переводчика при переводе англоязычного сленга. Авторы

приходят к мнению, что при переводе сленга необходимо принимать во внимание как функцию, которую он выполняет в тексте оригинала, так и его полифункциональность, таким образом, одного понимания семантики сленгизмов для адекватного перевода недостаточно.

Abstract. The article considers factors complicating English slang translation. The authors conclude that the most important one apart from the necessity to understand the meaning of a slangism is its function in the original sentence as well as its polyfunctional features in general.

Ключевые слова: сленг; сниженная лексика; денотативное значение; коннотативное значение; функция в тексте.

Keywords: slang; low level of the colloquial vocabulary; denotative meaning; connotative meaning; function in a text

Сленг английского языка - это одна из распространенных сфер английской лексики, которая интенсивно внедряется в литературу, кино и прочие сопутствующие ежедневной жизни явления и поэтому требует специальных пояснений. В современной лингвистике нет единого мнения относительно трактовки термина «сленг», мы в данной статье придерживаемся общего представления, выведенного на основании определения, предложенного М.М. Маковским, а именно: сленг – это особый исторически сложившийся вариант лексических, произносительных и грамматических норм английского языка, включающий в себя слова и выражения, либо заимствованные из других языков, либо созданные по словообразовательным моделям английского языка и используемые в более конкретных значениях благодаря приобретаемой ими эмоциональной окраске [2, с. 38].

Разъяснением значений слов, называемых сленгом, занимаются, в том числе и переводчики, и их задача представляется нам очень сложной, т. к. значительная часть сленга представляет собой использование более эмоциональных, выразительных, нестандартных слов вместо обычно употребляемых. При передаче значения слова переводчику важно знать не только перевод и социальный контекст, но и историю его происхождения. Ведь самое интересное (и полезное с точки зрения изучения сленга) - это не только узнать и выучить английские сленгизмы, но и понять их этимологию и систему последующей деривации. История возникновения этих выражений может быть очень запутана, а порой и нелепа. При прочтении какого-либо сленгового выражения зачастую чувствуется нехватка цитаты или примера, чтобы можно было понять, как именно его используют в разговоре и что оно означает.

XXI век отмечен активацией процесса перехода сленговой лексики в литературный английский язык, это значит, что мы начинаем признавать и принимать существование сленга. Примером этому могут служить такие выражения как, например, «of course» (конечно), «to take part» (принять участие), «to get up» (встать), которые еще пять лет назад считались сленговыми. Английский сленг ежедневно, если не ежечасно пополняется, а вместе с тем возрастают сложности с переводом, восприятием новых единиц. Так, например английское слово «price», лишь сначала имело значение «цена», впоследствии оно сохранило отсутствующее в английском языке значение «деньги» [4, с. 54].

Тот, кто приехал в Англию, может услышать некоторые странные слова и выражения, которые люди употребляют в повседневном британском лексиконе. Некоторые из этих слов являются важными для расшифровки и понимания, если вы собираетесь заказать еду или поехать за покупками. Другие же просто необходимо знать, если вы хотите понять, что люди говорят или хотят объяснить вам. К единицам английского сленга относятся также и необычные, порой забавные названия, придуманные англичанами для достаточно распространенных блюд. Например, «Jacket potatoes» – картофель в мундире, он так называется только потому, что кожа и пиджак переводятся одинаково – «Jacket», печенье в Великобритании – это «cookies», а «chips» – это французский картофель, но никак не картофельные чипсы, у которых другое название – «crisps».

Главной проблемой при переводе сниженной лексики является передача всех ее особенностей на язык перевода, при переводе должны учитываться все особенности оригинальной лексики: денотативное и коннотативное значение, структурные особенности слова, функция лексики в тексте. Как нам известно, сленг входит в состав сниженной лексики, и перевод сленга представляется особенно сложным в силу того, что лексический состав сленга, его определение и его существование остаются открытыми для споров и обсуждений. Для адекватного перевода сленга переводчик должен быть хорошо знаком со спецификой сниженной лексики как переводимого языка, так и языка перевода. Задачей переводчика является выявление отличий специфики английского сленга и сниженной лексики и просторечия языка перевода для их сопоставления, чтобы достичь наибольшей эквивалентности при передаче.

По своей сути сленг – это единицы вторичного порядка, так как сленгизмы образуются на основе единиц литературного языка, которые, в свою очередь, можно подразделить на два класса. Первый класс – это единицы, которые образуются при преобразовании единиц литературного языка и при этом не изменяют свое семантическое

значение, например: anyhoо вместо anyhow, dino - dinosaurs, armo - armoured, termo - termination, doc – doctor и т. д. Ко второму классу можно отнести единицы, которые полностью отличны от единиц литературного языка, в частности, новообразования, например: fag – сигарета, flat tire – скучный тип, fruit – парень или заимствования – calaboose (испанский) – prison, тюрьма, ethnic, ethno (австралийский вариант английского языка) – иммигрант.

Относительно трудностей и переводческих приемов, связанных с использованием сленга в художественном тексте, необходимо отметить, что они обусловлены основными функциями и характерными особенностями сленга. Многозначность, относительная подвижность лексического состава, коллоквиальность значения сленговых единиц, их принадлежность фиксированным общностям, таким как фразеологические единицы, экспрессивность, различное восприятие стилистического кода в языках оригинала и перевода – это лишь часть факторов, которые осложняют работу переводчика. Кроме того, формируясь в оппозиции литературному языку в культурном и нормативном аспектах, сленг складывается путем преобразования литературных слов или же их использования в новом значении, основанном на коннотациях этих литературных лексических единиц. Согласно утверждению Р.И. Рогозиной, перечни лексико-семантических групп в английском и русском языках, формирующие при таком варьировании сленг, «примерно совпадают» [4, с. 39], а «прагматические компоненты значения слов, то есть семантические ассоциации или коннотации сильно отличаются у совпадающих или близких по значению слов разных языков» [3, с. 41]. В этом расхождении Р.И. Рогозина, в частности, усматривает одну из основных трудностей перевода сленга.

В художественном тексте сленг носит полифункциональный характер. Поскольку сленг маркирует собой фамильярно-разговорную среду, при употреблении в тексте он выступает средством воссоздания этой коммуникативной ситуации, средством создания характеристик социолингвистической среды, художественных образов, персонажей. Таким образом, основным критерием, на который должен опираться переводчик при невозможности сохранить лексическую основу и коннотации оригинала одновременно, должна являться функция сленга. Изменение стилистики сленга не только вносит искажения в художественный облик произведения, но и неадекватно передает образы героев, неверно воспроизводит экстралингвистическую информацию, фоновые знания.

Несмотря на то, что необходимо развивать автоматизм при узнавании лексических единиц, а это достигается мгновенным распознаванием основных дифференциальных признаков слова [1, с. 148],

при переводе сленга необходимо также учитывать, что понимание семантики сленгизмов не должно быть единственной задачей переводчика. Он также обязан сохранить инокультурные реалии в том виде, в каком они представлены в оригинале.

Список литературы:

1. Джабраилова В.С. Перевод как средство и цель обучения // В сб. Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2017. С. 146-148.
2. Маковский М.М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология: М., Либроком, 2009. - 170 с.
3. Рогозина Р.И. Американский сленг в аспекте перевода // Тетради переводчика. М., 1977. № 14. С. 36–45.
4. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. - М., 2009. – 104 с.

3.2. РУССКИЙ ЯЗЫК

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ НЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Балкис Сальман Джвад

*магистрант, преподаватель русского языка
Факультет языков Багдадский университет,
Багдад, г. Ирак*

Аннотация. В статье рассмотрен феномен индивидуально-авторских прилагательных в контексте особенностей неологических словарей. Утверждается, что изменения в количественном и качественном составе современного лексикона требуют анализа, объяснения и обоснованной оценки. Акцентировано внимание на том, что выполнить подобную работу призваны профессионалы, знатоки языка. Задания, поставленные самим развитием общественной жизни той или иной страны, выводят ее языкознание на новые горизонты. Кроме того, не менее важным при этом представляется и то, что решение оных требует сотворения новых подходов и способов исследования языковых явлений, создания новых средств их моделирования и объяснения. Отмечено, что наиболее удобную форму преподнесения, популяризации широкой общественности результатов профессиональной работы лингвистов являются словари.

Abstract. The article considers the phenomenon of individual-author's adjectives in the context of neologic dictionaries. It is asserted that changes in the quantitative and qualitative composition of the modern lexicon require analysis, explanation and reasonable evaluation. Attention is focused on the fact that professionals, experts in the language are called upon to perform such work. The tasks set by the very development of the social life of a particular country, lead her linguistics to new horizons. In addition, equally important in this case is the fact that the solution requires the creation of new approaches and methods for investigating linguistic phenomena, creating new means for their modeling and explanation. It is noted that dictionaries are the most convenient form of presenting, popularizing to the general public the results of professional work of linguists.

Ключевые слова: прилагательные; индивидуально-авторские прилагательные; неологические словари; современная лексика; языковые явления.

Keywords: adjectives, individual-author's adjectives, neologic dictionaries, modern lexicon, linguistic phenomena.

Постановка вопроса в общем виде. Следует отметить особую динамику, наблюдающуюся в последние десять-пятнадцать лет в составе практически любого лексикона, изменяющуюся с особой стремительностью. Неумолимость этого процесса приводит к изменению социально-политического статуса, собственно, самого языка на фоне радикальных изменений в социальном и государственном устройстве страны.

В этом контексте ситуацию, в которой оказывается любой современный язык можно назвать судьбоносной: столь яркой динамики неологизации, заимствований и прочей доселе не наблюдалось. При этом государственный статус гарантирует языку не только полноценное функционирование, но и возможность развития его новых функционально-стилевых реестров. Последние призваны обеспечить языковое выражение пестрой общественной динамики с ее временем несовместимыми политическими, социальными, культурно-просветительскими проявлениями и установками. Существование широких спектров языковых средств «на любой вкус» свидетельствует о высокой степени развитости языка в целом, и, прежде всего, его лексикона как основы национальной языковой картины мира.

Таким образом, изменения в количественном и качественном составе современного лексикона требуют анализа, объяснения и обоснованной оценки. Выполнить подобную работу призваны профессионалы, знатоки языка. Задания, поставленные самим развитием общественной жизни той или иной страны, выводят ее языкознание на новые горизонты. Последнее связано с тем, что их решение требует сотворения новых подходов и способов исследования языковых явлений, создания новых средств их моделирования и объяснения. Наиболее удобную форму преподнесения, популяризации широкой общественности результатов профессиональной работы языковедов являются словари.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованиями упомянутой проблематики занимались следующие ученые: Л. Гнатюк, В. Дубичинский, Е. Карпиловская, Н. Котелова, О. Мартинцова, Л. Щерба.

Формулирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является определение роли авторских прилагательных в процессе бытования языка. *Предметом* – специфика функционирования оных на фоне его (языка) особенностей.

Изложение основного материала. Именно начало XXI века было ознаменовано бурным развитием новых языковедческих дисциплин: неологии или неологике, а также неографии или неологичной лексикографии, то есть отдельных направлений лексикологических и лексикографических исследований, объект изучения последних – новая лексика и, шире, любые явления (инновации) в языковой деятельности общества [3, с. 61].

Появление этих дисциплин обусловлено острой потребностью именно в профессиональном, языковедческом осмыслении мощной струи появившейся лексики; в выяснении тенденций обновления лексикона и произведении на свет практических рекомендаций, касающихся его построения. Результаты теоретического осмысления изучения инновационных процессов в лексиконе закономерно находят свое обобщённое отображение в новом типе словаря – неологическом, либо же словаре, объектом которого являются языковые инновации.

Сам термин «неологический словарь» более широк по объёму обозначаемого понятия, чем уже известные термины «словарь новых слов и обозначений» либо «словарь неологизмов». Касаясь последних двух терминов, то их можно рассматривать в качестве родовых, поскольку объектом обработки в неологическом словаре становятся не только новые лексемы, но и новые единицы иных уровней языковой системы: новые морфемы, фразеологические единицы, модели сотворения отдельных слов, словосочетаний и предложений, модели развития семантики слова.

Таким образом, предметом описания и объяснения в неологическом словаре могут стать и новые проявления общих тенденций развития лексикона языка, а именно *интернационализации vs. национализации* (автохтонизации), *интеллектуализации vs. демократизации* (либерализации, короквизации, субстандартизации или вульгаризации), *предпочтения экономии языковых средств vs. детализации, прозрачности номинации* [3, с. 65].

Неологические словари можно рассматривать по следующим признакам: 1) *способ описания реестра*: одноязычный (толковый); двуязычный (переводной); 2) *состав реестра по функциональным характеристикам единиц*: в целом новые слова лексикона за определённый период его существования (независимо от функциональной сферы); новая лексика отдельных функциональных сфер, идиолектов отдельных мастеров слова, профессиональных или социальных групп,

лексика узуальная/неузуальная (оказионализмы); 3) *состав реестра по происхождению*: удельная лексика; заимствования, лексика книжно-диалектная, жаргонная, лексика актуализированная-пассивизированная.

Н. Котелова в свое время разделяла их по способу вхождения новых единиц в лексикон исследуемого языка, предложив различать внешние и внутренние заимствования. Последние она квалифицировала как «лексические нововведения» («лексические новшества») по часовой оси (возрождение, актуализация, узуализация) или (и) локальной (вхождение с диалектов, устной речи, жаргонов, специальных языков, других языков).

В этом контексте любопытным представляется опыт украинской неографии, имеющий уже целую череду разнотипных неологических словарей. Все вони принадлежат к одноязыковым толковым, однако существенно разнятся по составу как реестров, так и метаязыков, или по совокупности средств описания и объяснения реестровых единиц. Д. Мазурик в своем словаре-справочнике «Новое в украинской лексике» (2002) зафиксировала новообразования, неозаимствования и неосемантимы, к тому же вместе с отдельными словами она подала в реестре и новые фразеологические единицы по примеру *нового мышления, команадной экономики* и продуктивных основ композитов типа *интернет-, евро-* и другие.

Исследовательница уделила актуализированным (ср. *добротворец, европеизация, конфесия*) и пассивизированным лексемам (по примеру *ваучеризация* и др.), создав оригинальную детальную систему разных слоев новой лексики. Имеются в виду предложенные Д. Мазурик обозначения *семантического неологизма* – нового значения многозначного слова). Это модель динамики лексического состава языка соответствует общепринятой тенденции его лексикографического описания: сравним упомянутые маркеры с подобными в «Толковом словаре русского языка конца XX в.: Языковые изменения» под редакцией А. Складневской (2000).

Исключительно языковые неологизмы дали в своем «Словаре новообразований украинского языка конца XX столетия (2002) Г. Виньяр и Л. Шпачук. Ж. Колоиз к отбору словообразовательных неологизмов поставила еще более жесткие условия, взяв за основной признак для отбора в свой «Толково-словообразовательный словарь оказионализмов» (2003) уникальность формы новообразований.

Кроме того, появились и словари новой лексики отдельных функционально-стилевых разновидностей языка и неких идиолектов его носителей, прежде всего писательских. К работам такого направления принадлежат «Краткий словарь жаргонной лексики украинского языка» Л. Ставицкой (2003), словарь А. Рудь «Поетическое

словоупотребление сложных имен прилагательных и деепричастий» (2001) или «Словарь поэтического языка Василия Стуса (редкоиспользуемые слова и индивидуально-авторские новообразования)» Л. Олифиренко (2003).

Появление этих и подобных словарей знаменно тем, что в них зафиксирован значительный массив лексики, которая не ставала ранее объектом описания в нормативных словарях языка. Во времена СССР исключением из этого правила стали лишь словари языка писателей (Т. Шевченка, И. Франка, В. Стефаника, Леси Украинки), которые в полном объеме фиксировали состав их идиолексикона, а также двухтомный «Частотный словарь современной украинской художественной прозы» под редакцией В. Перебийнис (1981), сплошная выборка коего содержала все наличествующие в обработанных текстах слова независимо от степеней их нормативности.

Большое количество новой лексики засвидетельствовали и изданные в период украинской независимости новые терминологические словари. Некоторые из них представляют целые новые отделы украинского лексикона, как, к примеру, «Англо-украинско-русский словарь по информатике и вычислительной технике» львовских исследователей А. Коссака и С. Маньковского (1991).

Таким образом, в череде новых терминологических словарей репрезентирована попытка обновления уже существующих терминов, критического пересмотра состава некоторых терминосистем касательно их соответствия нормам украинской грамматики и требованиям в поле точности и унификации обозначения выраженных понятий. Наиболее ярко и последовательно такая реформаторская тенденция проявилась «Русско-украинском словаре научного и технического языка: Терминология процессовых понятий» А. Войналовича и В. Моргунюка (1997).

Своим стремлением в стопроцентной реализации дериватологических (словообразовательных) моделей, часто даже пренебрегая приоритетами и закономерностями, сложившимися в словообразовательной подсистеме языка, авторы этого словаря спровоцировали острую дискуссию в кругах как лингвистов, так и специалистов по техническим наукам (ср. хотя бы такие авторские новообразования как *наблиз*, *наблизина* (вместо заимствованной *аппроксимации*), *збільша*, *збільшина*, *зносівкий*, *вирівнивий*, *меншавий*, *вмикавий*, *тужавкий* и другие).

Однако, какую бы дискуссию не вызвала в некоторых случаях чрезмерная революционность реформаторо-словотворцев, необходимо приветствовать их попытки внести новое, творчески и критически, к состоянию дел в языковой терминологии, тем более, что зачастую

новое оказывается хорошо забытым старым, как, к примеру, используемое в последнее время в украинском лексиконе слово *накладанець*. Так, О. Франко в сборнике рецептов «Первая украинская общепрактическая кухня» было предложено упомянутую лексему вместо германизма *бутерброд* или полонизма *канапка* еще в 1929 году.

В наиболее новых исследованиях украинских лексикологов собраны сведения, показательные и важные для установления тенденций и конкретных средств замены заимствований лексемами, созданными по удельным украинским словообразовательным моделям. К примеру, уже упомянутая лексема *накладанець* (*накладанці*) соотносится с такими украинскими названиями кулинарных произведений как *завиванець*, *перекладанець*, *плесканець* (*коржик*), а восстановленная в современной речи, и также созданная вначале прошлого столетия, лексема *сиротинець* (детский дом) гармонично вписывается в такой словообразовательный ряд наименований места или помещения как *бабинець*, *гостинець*, *звіринець*, *свининець*, *дитинець* [2].

При этом считаем уместным уточнить наше понимание терминов, распространенных в современной неологии: инновация, новообразование, неологизм, неолексема, неоморфема, неозаимствование, неосемантизм. Термин «инновация» используем в качестве родового для всех разновидностей новых лексем, созданных в системе языка. Термины «неологизм» и «неолексема» рассматриваем как абсолютные синонимы, по объему обозначаемого понятия: они более широкие, чем термин «новообразование», поскольку могут обозначать как собственно новообразование, так и адаптированное к системе языка новое заимствование (неозаимствование) [5].

Таким образом, неоморфема представляется новым компонентом слова, выделенным из состава новых заимствований, к примеру *-ворд* (от англ. *word*, то есть «слово», ср. неделимое *кросворд* с новыми лексемами на обозначение разнообразных игр «в слова» *шифроворд*, *анаграмворд*, *чайнворд*) или уже известный афикс, актуализированный с иным словообразовательным значением. Таким, к примеру, является суффикс *-чук* с новым значением «особа, которая по своим качествам не отвечает понятию, обозначенному образующей основой» (как следствие оценочного переосмысления, свойственного этому суффиксу словообразовательного значения деминативности). К примеру, неолексема *гетьманчук* в словаре Д. Мазурик, позиционируемая по значению «про того, кто очень стремится к власти» с ремаркой «переносное, ироничное». Ср. нормативную, засвидетельственную правописанием лексему *гетьманич* (сын

гетьмана) с иным суффиксом для выражения значения «сын того, кто назван образующей основой», ср. также с других источников: *лідерчук* (*лідерчукізм*), *українець*. Кроме того, словаре Ж. Колоиз зафиксированные лексемы *гетьманоманія* и *погетьманити* подтверждают формирование у слова *гетьман* и его производных переносного значения «тот, кто страстно стремится к власти, возвышению, хочет быть руководителем, вождем» с выразительным оттенком иронии, неодобрения.

Иногда появление новообразования за уже известной моделью придает серийность определенным уникальным словообразовательным аффиксам. При этом неосемантизм является разновидностью новообразования, следствием не морфологического, формально выраженного, а семантического словообразования. Так, кроме вышеупомянутого нового значения слова *гетьман*, вспомним такие активные в словообразовательном плане неосемантизмы как *пакет*: «совокупность предложений, документов, объединенных единой идеей; совокупность услуг, предложенных потребителю, клиенту». К примеру: пакетные (договоренности), пакетные и внепакетные минуты (мобильной связи); пакетно (вмешаться в перераспределение парламентских комитетов) либо формат «разновидность, характер организации, совершение чего-то», ср. *формат переговоров, телемоста, сосуществование бизнес-групп, полноформатный (литературный процесс)*, а также, минуя стадию глагольной деривации, префиксальное имя существительное переформатированное в высказывании «переформатирование правительства» (мы не зафиксировали использования глаголов форматировать-переформировать в вышеуказанном значении) [5].

Вероятнее всего упомянутая лексема образовалась по аналогии со общеструктурными отглагольными именами существительными *переорганізація, перерозподіл, перетворення*. Так, анализ современных публицистических текстов свидетельствует о выразительной тенденции сближения слова *формат* в таком новом, специализированном значении со словами *вигляд, різновид, тип, образ*.

В разрезе неосемантизма в современном языке можно рассматривать и новые, неспециализированные, значения прилагательных *стартовий* и *резонансовий* (*резонансний*). Так, современный украинский литературный язык в свое время зафиксировал переносное значение физического термина *резонанс* (отзвук, отзыв, действие как ответ на что-либо). Однако производные от этого прилагательные, зафиксированные в этом источнике только в прямых значениях, наследованных от образующего слова, ср. *резонансові деревні породи* (имеющие способность увеличивать силу и длину звука) или

резонансна частота (частота резонанса; резкого возрастания частоты колебаний).

Вместе с тем засвидетельствованные нами в современных публицистических текстах соединения с этими прилагательными по образцу *резонансовий (резонансний) злочин, виступ, фільм, роман, концерт, резонансова (резонансна) подія, вистава* репрезентируют их использование в переносном значении «имеющем большую огласку, вызывая активную реакцию общества, возможно, даже с оттенком скандальности». В таком новом значении прилагательные *резонансовий* и *резонансний* синонимизируются с лексемами *голосний, бучний, гучний, скандальний, сенсаційний, приголомшливий* и новообразованием *піарний* [4].

Отметим, что упомянутое расширение семантики за счет использования в переносном значении наблюдается и у имени существительного *стартовий*. Так, современный литературный язык фиксирует его лишь в прямых значениях, унаследованных от образующего слова, спортивного термина *старт*, ср. его использование в таких словосочетаниях как *стартовий пістолет, матч, майданчик, стартова служба, ракета, доріжка*. Что интересно, не специализированные тексты последних годов репрезентируют сочетания прилагательного *стартовий* в расширенном, переносном, значении «указывающем на начало чего-либо», ср. *стартові ціни, ставки, показники, тарифи, стартовий пакет (услуг мобільної зв'язи)*. В таком значении он синонимизируется с прилагательными *початковий, першопочатковий, вихідний, первинний, первісний*.

Таким образом, накопленный в современной украинской неографии опыт моделирования языковых инноваций дает основания выделить, кроме уже названных, еще одну возможную оппозицию типов неологических словарей – дифференциально-интегральный словарь, то есть такой, в коем противопоставление упомянутых словарей происходит за счет характера описания новых языковых единиц.

Именно на необходимость описания лексики со стороны как того, что отличает слова одно от другого, так и того, что их объединяет указывал еще Л. Щерба [6] в своей «Попытке общей теории лексикографии». Последнее мотивированно тем, что во всех изданных до этого времени неологических словарях преобладает именно дифференцированный подход к моделированию лексики и это вполне закономерно. Поскольку связано с тем, что неолексемы разных типов в первую очередь требуют подробной описи во всем спектре свойственных им признаков новизны: формальных, семантических,

функциональных (стилевых, стилистических, коммуникативно-прагматических).

Однако введение, к примеру, в реестр словаря Д. Мазурик активных основ композитов является уже проявлением именно интегрального подхода к моделированию новой лексики. Подобные статьи содержат уже не только отдельные слова, а группы слов, объединенных общим (интегральным) признаком их новизны как формальной, так и семантической: ср. юкстапозиты *интернет-оператор*, *интернет-технології*, *интернет-ресурси*, *интернет-часопис*, содержащие новую для украинского языка основу *интернет*-.

Однако автор считает возможным целую череду подобных слов подать в качестве самостоятельных единиц реестра: *интернет-видання*, *интернет-голосування* и так далее. При этом создание интегральных неологических словарей не только опротестовывает составление дифференциальных словарей новой лексики, а, наоборот, базируется на осмыслении материалов последних и знаменует последующий этап обработки такой лексики. То есть без выработки средств для описания формальных, содержательных и функциональных свойств отдельных неолексем интегральное моделирование новой лексики представляется невозможным.

Таким образом, дифференциальные и интегральные неологические словари в целом представляют результат двуступенчатого, взаимонастроенного и взаимозависимого процесса лексикографической обработки новой лексики. Исследователи рассматривают появление словарей интегрального типа как освидетельствование качественно нового этапа в обработке новой лексики, в осмыслении ее места в современных славянских лексиконах. Так, чешская исследовательница О. Мартинцова [1], одна из авторов словаря «Новые слова в чешском языке» (1998), считает, что с помощью специфичных лексикографических средств такие словари репрезентируют системные, динамические отношения и связи новых лексем, описывают процессы, в коих берут участие неологизмы либо же носителем коих они выступают [1, с. 38].

Тип интегрального словаря определяет характер новизны описываемых лексем. Сами же интегральные признаки новизны могут касаться: 1) *плана содержания и плана выражения слова*: их репрезентируют неолексем на обозначение новых явлений, объектов действительности или на обозначение новых понятий; 2) *плана выражения и частично плана содержания (новые аспекты известных понятий)*: такие признаки выявляют новые производные от уже засвидетельствованных лексиконом слов, либо уже наличествующие в лексиконе слова, форма коих была изменена согласно новым грамматическим или же правописным нормам и языковым вкусам;

3) *плана содержания*: такие признаки реализованы в неосемантизмах или словах с новыми конотативными компонентами.

Выбор типа моделируемого комплекса определяет качественный и количественный состав неолексем, то есть характер их формы и семантики. К примеру, отследить тенденции создания лексем с новым содержанием становится возможным благодаря словарю словообразовательных комплексов гнездового типа, то есть словарю слов с новыми образующими основами, объединенными мотивационными отношениями.

Признаком для «собираия» слова в границах таких комплексов является наличие общего корня или основы слова. По характеру своего строения новые словообразовательные гнезда могут быть полными, то есть иметь и горизонтальную (словообразовательные пары и цепочки) и вертикальную (словообразовательные парадигмы) ось разворачивания, или неполными, содержа лишь один из типов комплексных словообразовательных единиц. Так, к примеру, от нового заимствования *слоган* мы засвидетельствовали лишь одно производное слово *слоганоутворення*, то есть в системе современного украинского языка уже сформировался «зародыш» будущего словообразовательного гнезда. Так, развернутое гнездо со словообразующими парами и парадигмой первой степени производности создают тридцать номинаций от слова *нар* и его графических вариантов *ni-ap*, *Pi-Ap*, *PR* [4].

Особенное внимание для анализа тенденций обновления современного языка представляют неологические словари, объект моделирования в которых репрезентируют некие лексико-семантические объединения: словообразовательные категории, разряды, классы, ряды, лексико-семантические или тематические группы слов. Благодаря отображенному в таких группах слов общему понятию более выразительным становится спектр формальных средств, актуализированных к его вербализации, их приоритеты, распределение по сферам функционирования и регуляторы равновесия в лексиконе неолексем, позиционируемых как выразители разнонаправленных тенденций его обновления.

Для составления таких неологических словарей могут быть использованы как семасиологический, так и онемасиологический подходы. Для реализации первого могут послужить, в частности, словари словообразовательных рядов неолексем. Так, в составе реестровых единиц таких неологических словарей объединяются неолексемы с разными (старыми или новыми) образующими основами, но с тем же самым формантом (к примеру: *бартеризація*, *партизація*, *політизація*, *спонсоризація*; *балканізація*, *баналізація*, *зомбізація*, *маргіналізація*, *офіціалізація*, *ритуалізація*, *сакралізація*; *бюджето-*, *державо-*, *законо-*, *націє(o)-*, *світо-*, *свято-*, *слогано-*, *угодо-*,

українотворення; етно-, інтелекто-, кіно-, культуро-, лінгво-, мово-, політико-/політо-, соціо-, футуроцид).

Отметим наличие сознательного нарушения правил деривационной грамматики во время создания некоторых таких слов, в частности, соединения удельных основ с иноязычными формантами, а также объединение семантически несоединяемых компонентов, создающих особо ценные номинации по примеру: *колгоспизація, лівизація, малоросіянізація, перевертнізація, радянізація, мінізація або україноцид; кучманойд, україноїд; українікум; кучмагейт, Морозгейт, Юхимгейт; кучманістан; телемармиза, телепоголовка; відеогарнір, “Відеолюх”, відеомило.*

Таким образом, внедрение той или иной словообразовательной модели в игровую, каламбурную, жаргонную модель словотворчества свидетельствует о злоупотреблении одной в процессах современной номинации. К примеру, современный украинский жаргон активно использует разнообразные гибридные модели словоупотребления. Ср. таки примеры со словаря Л. Ставицькой как: *кльовіссімо, рогатіссімо, невигрібато, стаканерія, гапкенштрассе, дискогананці, пішкарус.*

Подобное сочетание основ и формантов разного стилистического окраса усиливает образность и оценочность новых жаргонизмов. Часто такие слова-гибриды отображают ироническое отношение образованных носителей языка к чрезмерной увлеченности модными словообразовательными средствами. Примером могут послужить хотя бы такие лексемы с усиленным оценочным зарядом как *супербаба, суперспасибо, суперзлодей, суперкрасавчик, супермалыш; сейшенить, фуришетить и евроокна, евродвери, еврозабегаловка, евролюбовь, евроскандал; интербезотцовщина, интербрань, интерязычие; вивискоязычный, снобязычный* и прочие [4].

Воплощением ономаσιологического подхода к описи неологиксики могут стать словари базовых концептов языка или так званых «ключевых слов эпохи» с новыми лексемами-выразителями их языковой категоризации. Однако для определения реестров таких словарей нужны показательные базы современных текстов, всеобщий анализ устной речи, ее подробное статистическое обследование.

Выводы. Таким образом, неологический словарь представляется моментальным снимком языковой системы в движении, моделью современной деятельности общества, а словарь академического типа – ее панорамой в состоянии спокойствия, равновесия, фиксации того, что унормировалось в ее лексиконе, прошло испытание временем и соответствует критериям актуальных норм грамматики и правописания литературного языка. То есть оппозицию неологический словарь; общеразговорный словарь нормативного типа можно очертить

как противопоставления словаря продуктов языковой деятельности в определенный промежуток времени словаря системы языка.

Перспектива. Таким образом, динамика современного лексикона, отображенная в неологических словарях разных типов, бесспорно, даст новый мощный толчок для теоретического изучения его строения и закономерностей функционирования, что представляется продуктивной ветвью дальнейшего исследования индивидуально-авторских прилагательных.

Список литературы:

1. Martincova O. Obecna charakteristika lexikografickйho ршnstupu k neologizmam / O. Martincov // Siowotwyrstwo / Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser. – Innsbruck, Opole, 2003. – S. 34–39.
2. Гнатюк Л. Реактивація лексико-семантичних засобів як джерело поповнення словникового складу сучасної української літературної мови / Л. Гнатюк // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2004. – Вип. 11, Кн. 1. – С. 101–105.
3. Дубичинский В.В. Основные принципы неографии / В. В. Дубичинский // «Słowa, słowa, słowa»... w komunikacji jkzykowej. Pod red.M. Grabskiej. – Gdacs, 2000. – С. 61–68.
4. Карпіловська Є. Ігрова стихія в сучасній українській мовотворчості / Є. Карпіловська // Лінгвістичні студії. – Донецьк, 2004. – Вип. 12. – С. 244–247.
5. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. Новые слова и словари новых слов / Н.З. Котелова. – Ленинград, 1978. – С. 5–26.
6. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград, 1974. С. 265–304.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРХАИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЛЕВОЙ МОДЕЛИ С ПОЗИЦИЙ СТРУКТУРНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ)

Зикра Талибь Хейралла

*магистрант, преподаватель русского языка
Багдадский университет,
Багдад, г. Ирак*

Аннотация. В статье представлено определение понятий семантическое поле, функционально-семантическое поле и семантическая парадигма; доведено, что языковые единицы в лексико-семантическом поле (ЛСП), в том числе и архаической лексики, структурируются согласно трем основным принципам: 1) семантическому – связан с осуществлением компонентного анализа лексических значений слов (архаизмов), которые принадлежат к определенному ЛСП; 2) структурному – лексические значения архаических единиц занимают свое место в ядре, центре и периферии согласно выделенным гипосемам, а также когнитивным и прагматическим семам; 3) системному – основывается прежде всего на гиперо-гипонимических (родовых и видовых) отношениях, или корреляциях, его единиц, которые прослеживаются в произведениях Н.В. Гоголя.

Abstract. The article represents definitions of the notions of semantic field of functional-semantic field and semantic paradigm; it has been proved that the linguistic units in the lexical-semantic field (LSP), including archaic vocabulary, is structured according to three fundamental principles: 1) semantic – related to the implementation of component analysis of lexical meanings of words (archaisms) that belong to a particular LSP; 2) structural – lexical meanings of archaic units take their place in the nucleus, the center and the periphery according to isolated giposemes, as well as cognitive and pragmatic semes; 3) system – primarily based on hyper-hyponym (generic and specific) relationship, or correlation, its units, which can be traced in the works N.V. Gogol.

Ключевые слова: семантическое поле; функционально-семантическое поле; семантическая парадигма; ЛСП; семантический; структурный и системный принципы.

Keywords: semantic field; functional-semantic field; semantic paradigm; LSP; semantic; structural and systemic principles.

Системные отношения между языковыми элементами рассматривали лингвисты, начиная с конца XIX ст. и до начала XX ст. (труды И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни и др.). Системность связей языковых элементов была одним из основных положений системно-структурного (таксономической, классификационной) лингвистической парадигмы (Ф. де Соссюр). Уже в начале XX ст. системный характер лексики начинает изучаться в категориях *лексико-семантических полей* (ЛСП), которые и на современном этапе развития лексической семантики остаются проблемными, в частности в плане определения четких принципов, по которым языковые единицы объединяются в ЛСП.

Еще в конце XIX ст. российский лингвист М.М. Покровский говорил о системном характере лексической семантики [23]. Термин «семантическое поле» было впервые употреблено немецким ученым Гюнтером Ипсеном в 1924 г., который определил *поле* как совокупность слов, имеющих общее значение. Впрочем, ссылаясь на В.М. Ярцеву, немецкий ученый Й. Трир является основателем теории семантического поля (1931 г.) [34, с. 380]. В середине XX в. *полевую теорию* продолжил разрабатывать Л. Вайсгербер. Несмотря на то, что эти ранние концепции семантических полей подверглись критике за идеалистический и субъективный подходы, невозможность охватить весь лексический состав языка и недооценку роли отдельного слова, они стали толчком для дальнейших исследований другой концепции – теории ЛСП [4, с. 108; 30, с. 33–38], которая активно начала разрабатываться учеными разных стран, в том числе английскими Джон Лайонз, американскими Роберт Х. Робинс, швейцарскими Шарль Балли, российскими (советского периода): Л.М. Васильев, В.В. Виноградов, С.Д. Кацнельсон, В.И. Кодухов, Е.В. Кузнецова, А.И. Кузнецова, М.М. Покровский, А.А. Потебня, Ф.П. Филин, А.А. Уфимцева.

В современной лингвистике до сих пор нет однозначности и единства в толковании терминов *семантическое поле* и ЛСП. Большинство лингвистов их рассматривают как синонимы, не разграничивая вообще и употребляя один термин в значении другого. Например, Ю. Караулов использует эти термины как взаимозаменяемые и обозначает ими группу единиц одного языка, которые являются тесно связанными по смыслу [10, с. 210]. Отдельные лингвисты понимают понятие *семантическое поле* в самом широком смысле. Например, Л. Васильев считает, что в семантические поля необходимо включить или семантические группы (классы) слов конкретной части речи, или семантически соотносимые группы (классы) слов разных частей речи, или функционально-семантические (лексико-грамматические) поля, или парадигмы определенных синтаксических конструкций, которые

имеют связь с помощью определенных деривационных (трансформационных) отношений и различных классов семантико-синтаксических синтагм [5, с. 126].

Считаем целесообразным сузить определение содержательного объема термина *семантическое поле* до тех характеристик, которые непосредственно касаются ЛСП, понимая под последним совокупность лексических единиц или их значений, объединенных парадигматическими связями, которые, характеризуясь общим семантическим компонентом, обозначают явления с понятийным, предметным или функциональным сходством [8, с. 173; 10, с. 210; 12, с. 99; 15, с. 130; 16, с. 381; 21, с. 96; 26, с. 458; 29, с. 138; 33, с. 69–72; 35, с.157].

Определяют следующие основные свойства ЛСП: 1) наличие семантических корреляций (отношений) среди составляющих поля; 2) системный характер отношений в поле; 3) наличие в составе поля микрополей; 4) иерархическое строение составляющих элементов поля; 5) ядерно-периферийная структура поля; 6) нечеткость границ ядра и периферии, а также ж микрополей; 7) взаимозависимость и взаимопределяемость лексических единиц поля; 8) относительная автономность поля; 9) взаимосвязь семантических полей в пределах целой лексической системы; 10) частичное наложение полей друг на друга с образованием зоны постепенных переходов [4, с. 105–113; 12, с. 99; 20, с. 100–121].

Еще одна эквилибристика наблюдается в употреблении терминов ЛСП, *функционально-семантическое поле* (ФСН) и *семантическая парадигма*.

Как правило, ЛСП формируется из лексических единиц различных частей речи, а также фразеологизмов и лексики различных вариантов языка: литературного или разговорной речи, диалектов, жаргонов, архаизмов [14, с. 25]. Между тем ФСН, по определению А.В. Бондарка, – это двустороннее (содержательно-формальное) единство, которое формируется морфологическими и синтаксическими (грамматическими) средствами определенного языка совместно с элементами лексического, лексико-грамматического и словообразовательного уровней, которые взаимодействуют с грамматическими средствами и относятся к одной и той же ж семантической категории (зоне) [2, с. 13].

Касательно *семантической парадигмы*, то И.В. Сентенберг ее понимает как относительно целую, незамкнутую и способную к развитию совокупность единиц или их лексико-семантических вариантов, которые объединены вокруг конкретной доминанты с помощью лексического значения и, таким образом, организованы с помощью отношений семантической производности, которые служат для дифференциальной номинации [27, с. 61].

Выделяют следующие основные разногласия между ЛСП и семантической парадигмой:

1) ЛСП является организацией неоднозначных соотношений (гиперо-гипонимия + синонимия / антонимия и т. д., семантическая парадигма имеет в своем составе однозначные соотношения лексических единиц (синонимия, антонимия и т. д.);

2) ЛСП может быть представлено грамматически различными лексическими единицами: существительное + прилагательное / глагол и др., семантическая парадигма – это объединение грамматически однородных лексических единиц: существительные, прилагательные, глаголы и др.;

3) ЛСП пересекается с другими полями, образуя смежные синкретические пространства, семантическая парадигма – это отделенная лексико-семантическая организация [9, с. 65–66].

Для исследования ЛСП возникает необходимость определения четких принципов их формирования. Анализ упомянутой выше научной литературы по проблеме исследования ЛСП позволяет свести многочисленные критерии, по которым исследователи пытаются структурировать языковые единицы в ЛСП, в том числе и архаической лексики, согласно трем основным принципам: 1) семантическому; 2) структурному; 3) системному, который прослеживаются в произведениях Н.В. Гоголя.

1. Семантический принцип связан с осуществлением компонентного анализа лексических значений слов (архаизмов), которые принадлежат к определенному ЛСП.

В традиционной семантике принято разграничивать значения на *лексические* (содержатся в корневых морфемах) и *грамматические* (выражаются аффиксами, флексиями и т. д.). Из них только лексические рассматриваются как полноправные объекты семантической теории, однако при этом изучение грамматических значений выдвигается за пределы семантической структуры [3, с. 16–17]. *Лексическое значение* – это общие (инвариантные) значения всех словоформ определенной лексемы, абстрагированные от их грамматических значений (если лексема является однозначной), или одно из значений лексемы (если лексема является многозначной), которое имеет инвариантную направленность [там же, с. 36].

Обычно, лексическое значение составляет совокупность семантических признаков, описывающих понятие, которое слово называет. Эти признаки связываются зависимостью и тем самым образуют структуру лексического значения, его две части – *интенционал* и *импликационал*. Если *интенционал* – это смысловое ядро конкретного лексического значения, то *импликационал* – это периферия, состоящая из семантических признаков, которые окружают ядро [22, с. 105].

Также в лексическом значении слова выделяют три вектора отношений: 1) к денотату – *предметная отнесенность слова*; 2) к каким-то категориям логики – *понятийная отнесенность*; 3) к коннотативным и концептуальным значениям иных слов в пределах соответствующей лексической системы – *значимость* [21, с. 91].

Обозначаемый словом предмет является *денотатом* или *референтом*, а отражение денотата – это концептуальное значение слова, то есть его десигнат. В состав лексического значения, кроме ядра, еще входят дополнительные значения, или коннотации – эмоциональные, экспрессивные, стилистически «дополняющие» основное значение, которые придают слову особую окраску [20, с. 91]. Так, например, в повести Н.В. Гоголя «Портрет» [41] денотатами архаизмов выступают действия, предметы, свойства, события, имеющиеся в окружающем мире: в природе и обществе (масляные малевания, гривенничек хоть прикиньте); внутренний мир человека, его логические и моральные понятия и оценки, которые созданы в процессе развития духовной идеологии, культуры (кутнуть, щегольнуть, дребезжанье дрожек извозчика) и т. д. Денотатами слов также являются определенные элементы языка, а также ж процессы, которые происходят при использовании (функционировании) языка в речи; действия, которые используются при изучении языка и т. д. [21, с. 92].

Компонентный анализ касательно смысловых связей, где определенное слово принимает участие, дает возможность разложить концептуальное значение на его мелкие составляющие – отдельные семи. Выделенные семи частично выступают как интегрирующие семантические признаки, объединяющие данное значение с какими-то другими, а частично – как дифференциальные семантические признаки, которые отделяют одно значение от другого [там же, с. 97]. При этом компонентный анализ значения тесно связан со структурой конкретного лексического значения, что показывает, что структура всех значений состоит из компонентов, т. е.: содержат обычные понятия, которые объединены в структуру значения. Кроме этого, семи – это такие составляющие значения, которые в структуре конкретного языка не выражены какой-то частью, а оказываются сугубо релятивными благодаря сопоставлению различных значений [22, с. 110].

Сему определяют как простой, элементарный смысл, неделимый семантический признак. Достаточно простыми являются такие понятия, которые соответствуют или верхней границе обобщения сущностей (например, понятие вещей и признаков, которые определяются одна через другую), или нижней границей расчленения действительности, что достигается в деятельности человека и

отражается в его сознании. Сема может быть как простым, так и сложным семантическим признаком, для которой важным является то, что этот признак является составной неноминативной частью значения какого-то словесного знака. Один и то же термин или понятие может иметь статус значения и статус семы [22, с. 110–111]. Например, в «Записках сумасшедшего» [39] архаизм *экивоки* является значением слова *штуки* и / или *поступки*.

Поэтому можем утверждать, что лексическое значение архаической единицы является сложным динамическим образованием. Его составляющие отличаются многими особенностями: местом и ролью в структуре значения; характером взаимодействия и взаимозависимости между собой и контекстом; участием в формировании актуального значения, то есть актуализированного значения слова в конкретном контексте; совместимостью – несовместимостью; они своеобразно проявляют себя при переосмыслении слова в словообразовании. В связи с этим возникает проблема типологии сем, классификация по существенным особенностям в результате компонентного анализа значений [22, с. 127].

В современной лингвистике разграничивают такие разряды сем, которые, как правило, организованы в оппозитивных парах, или рядах из нескольких членов:

- когнитивные (денотативные, референтные, предметно-логические, интеллективные) и прагматические (коннотативные, эмотивно-оценочные, экспрессивно-стилистические);
- экстралингвистически и лингвально обусловленные, центральные и периферийные;
- актуальные (актуализированные) и потенциальные;
- эксплицитные и имплицитные (латентные),
- обязательные и факультативные (дополнительные),
- узуальные и окказиональные;
- индуктивные и индуцированные;
- терминологические и нетерминологические;
- категориальные (грамматические) семы или гиперсемы (класемы, маркеры, архисемы) и гипосемы (дифференциальные / различительные / дистинктивные семы или дистингвишеры) [22, с. 128].

Категориально-лексическим семам подчиняются *дифференциальные семы* – менее общие семы, которые пытаются уточнить, конкретизировать их, что, собственно, и предоставляет семной структуре слова иерархического характера [3, с. 8–13] (*барин, мелюзга* [38]) *Дифференциальные семы* определяют индивидуальность слов [3, с. 8–13] (*о двух елтажах, великатес* [38]).

Проанализировав произведения Н.В. Гоголя можем утверждать, что *семантический принцип* был положен в первооснову формирования ЛСП, поскольку на основе выделенных с помощью компонентного анализа категориальных сем и гиперсем сформировались лексические значения определенных архаических единиц.

2. Структурный принцип. Одним из важнейших признаков ЛСП является его структурная организация, которая заключается в разграничении ядерной и периферийной зон [24, с. 182]. Именно наличие ядра и периферии позволяет отграничить ЛСП от других группировок языковых единиц, в том числе таких, как лексико-семантическая группа, фрейм и др. [6, с. 18].

Проанализировав произведения Н.В. Гоголя, нам удалось смоделировать структуру ЛСП, где были выделены зоны *ядра*, *центра* и *периферии*. *Ядро* – это одна или несколько лексических единиц, которые являются семантически простыми, но содержащими общее значение ЛСП в его «чистом» виде. Например, ‘цвет’ в ЛСП наименования цветов: *стены вместо белых сделались пегими* [40]. *Центр* – это определенные “слои”, которые окружают ядро. “Слои” – это специализированные группы единиц, которые имеют семантически сложные значения. Например, *полубричка* (‘тележка’) [40]. *Периферия* – это вторичные наименования, где их первичные значения входят в смежные ЛСП и реализуют семантику этого поля в определенных контекстуальных условиях [26, с. 459]. Например, *пехтера*, *пехонтария*, в значении “пехота” [40]; *выя* в значении *шея*, *оный* – *тот*, *перст* – *палец* [42]. Ядро характеризуется максимальной концентрацией признаков, которые образуют поле. Переход от ядерной зоны к периферии происходит постепенно, при этом по степени удаления от ядра наблюдается ослабление интенсивности и даже исчезновения части полеобразующих признаков. Периферийная же зона поля, как правило, значительно выше, чем ядерная [24, с. 182].

Структурный принцип, который послужил для выделения ЛСП, по нашему мнению, заключается в том, что лексические значения архаических единиц занимают свое место в ядре, центре и периферии согласно выделенным гипосемам, а также когнитивным и прагматическим семам.

3. Системный принцип. ЛСП имеет целый ряд признаков системности как в *синхроническом плане* (семантическая соотнесенность лексем, образующих поле, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в *генетически диахроническом аспекте* (какой-то набор часто реализуемых мотивационных моделей, повторяемость производительных этимологических гнезд, которые образуют лексику поля) [14, с. 25].

Анализ произведений Н.В. Гоголя дал возможность с помощью системного принципа организации ЛСП как упорядоченного множества наименований говорить о том, что он основывается прежде всего на гиперо-гипонимических (родовых и видовых) отношениях, или корреляциях, его единиц. Слово, которое выражает более общее понятие среди этих единиц, называется *гиперонимом*, а слово, которое обозначает конкретный случай, вид указанного рода объектов, предметов, явлений, называется *гипонимом*. Слова, которые имеют общий гипероним – это *когипонимы*, или *согипонимы*. Так, например, архаизм *целковый* является гиперонимом по отношению к словам *рубль*, *деньги* и т. д. [43], которые являются его гипонимами, а поэтому когипонимами в отношении друг друга. Денотат гипонима включен в экстенционал гиперонима. Так, в произведении Н.В. Гоголя «Вий» [37] прослеживается архаизм *сусулька*, что является подмножеством конфет. С иной стороны, сигнификат гиперонима включен в состав сигнификата гипонима, поэтому множество признаков, которые составляют сигнификат *конфет*, является подмножеством признаков, которые образуют сигнификат *сусулька*. С помощью родо-видовых корреляций можно построить эндоцентричные ряды, где каждое последующее слово ряда является гипонимом по отношению к предыдущему слову и гиперонимом – по отношению к следующему, например, *щекатурка* – *щекатурка* в значении штукатурка. Лексемы таких рядов в языке используются для называния одного и того же референта [12, с. 101].

Отношения гиперо-гипонимии насквозь структурируют ЛСП. Однородные единицы в смысловом отношении объединяются в определенные лексико-семантические группы, или элементарные микрополя: подклассы – классы – классы классов – семантические макросферы и т. д., которые, в свою очередь, образуют комплексную многомерную иерархическую систему взаимосвязанных ЛСП, где границы имеют относительный характер и очень часто определяются конкретной задачей или направлением [26, с. 459].

Единицы ЛСП устанавливают между собой три вида отношений: **парадигматические** (*решена* – *длань* – *десница* со значениями '*плечи*' – '*ладонь*' – '*правая рука*'), **синтагматические** (*загоняться* – *запаться* [43]) и **ассоциативно-derivативные** (полисемия: *якобинец* – человек определенных политических убеждений и словообразовательное гнездо – *якобинский*, *якоб* и т. д.). Такие отношения, особенно последние из них, могут выходить за пределы данного ЛСП, указывая на его связь с другими ЛСП. Парадигматическая близость единиц ЛСП и сходство их значений иногда отображается синтагматической при наличии общей формулы употребления (схемы предложения),

которая конкретизируется по степени осложнения и спецификации семантики [26, с. 459].

Учитывая тесную связь с внеязыковыми реалиями ЛСП является незамкнутой структурой организацией лексики и потому очень сильно отличается от систем иных языковых уровней (например, фонологического, морфологического). Лексический уровень языка организован сложными соотношениями ЛСП как смежных, так и тех, которые пересекаются и подчиняются [14, с. 25].

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что ЛСП является сложным и многогранным явлением лексического состава русского языка. Организация архаических единиц в структуре ЛСП, представленных в произведениях Н.В. Гоголя, происходит в 3 этапа на основе следующих принципов:

- *семантического* (на основе компонентного анализа лексических значений слов, выделения гиперсем и объединения ЛСВ и однозначных слов);
- *структурного* (путем выделения гипосем, когнитивных и прагматических сем и на их основе формирования ядра, центра и периферии ЛСП);
- *системного* (установка гиперо-гипонимических, синонимических, антонимических, конверсивных, полисемантических и других отношений в середине ЛСП, а также взаимосвязей этого ЛСП с другими полями).

Список литературы:

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
2. Бондарко А.В. Понятия “семантическая категория”, “функционально-семантическое поле” и “категориальная ситуация” в аспекте сопоставительных исследований / А.В. Бондарко // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С. 12–19.
3. Вардзелашвили Ж.А. Компонентный анализ слова в теории вторичной номинации / Ж.А. Вардзелашвили // Русский язык и литература в Азербайджане: [науч.-метод. ежеквартальный журн.]. – Б.: Бакинский славянский университет, 2000. – Вып. 4. – С. 8–13.
4. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – М., 1971. – № 5. – С. 105–113.
5. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: [учеб. пособие для вузов] / Леонид Михайлович Васильев. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.
6. Верхотурова К.С. Огонь в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ксения Сергеевна Верхотурова. – Екатеринбург, 2009. – 213 с.

7. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / Виктор Владимирович Виноградов. – [3-е изд.]. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
8. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Борис Юрьевич Городецкий. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 564 с.
9. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : [словарь-справочник] / Татьяна Васильевна Жеребило. – Назрань: Изд-во “Пилигрим”, 2011. – 128 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
11. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Соломон Давидович Кацнельсон. – М.–Л.: Наука, 1965. – 110 с.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: [учебное пособие] / Ирина Михайловна Кобозева. – М.: Эдичориал УРСС, 2000. – 352 с.
13. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов: [лекция] / Виталий Иванович Кодухов. – Л.: Изд-во ГПИ, 1955. – 28 с.
14. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. – 54 с.
15. Кронгауз М.А. Семантика / Максим Анисимович Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
16. Кузнецов А.М. Поле / Анатолий Михайлович Кузнецов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: “Советская энциклопедия”, 1990. – 685 с.
17. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы его исследования / Ариадна Ивановна Кузнецова – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1963. – 58 с.
18. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Эра Васильевна Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
19. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / Джон Лайонз; [пер. с англ., ред. и предисл. В.А. Звегинцева]. – М.: ПРОГРЕСС, 1978. – 544 с.
20. Лурия А.Р. Язык и сознание / Александр Романович Лурия; [под редакцией Е.Д. Хомской]. – Ростов на Дону: Феникс, 1998. – 416 с.
21. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб. [для филол. спец. вузов] / Юрий Сергеевич Маслов. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
22. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: [учебное пособие] / Михаил Васильевич Никитин. – [2-е изд., доп. и испр.]. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

23. Покровский М.М. Избранные труды по языкознанию / Михаил Михайлович Покровский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 382 с.
24. Полевые структуры в системе языка / [под ред. З.Д. Поповой]. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 198 с.
25. Потебня А.А. Мысль и язык / Александр Афанасьевич Потебня. – Х.: Типография Мирный труд, 1913. – 225 с.
26. Русский язык. Энциклопедия / [ред. Ю.Н. Караулов]. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
27. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола: учебное пособие [к спецкурсу] / Ираида Владимировна Сентенберг. – М.: МГПИ имени В.И. Ленина, 1984. – 95 с.
28. Уфимцева А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 5–80.
29. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / Анна Анфилофьевна Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
30. Уфимцева А.А. Теории “семантического поля” и возможности их применения при изучении словарного состава / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 230–241.
31. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира : [коллективная монография]. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
32. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Языковедческие исследования в чест акад. Ст. Младенов. – София, 1957. – С. 523–538.
33. Шеина И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И.М. Шеина // Вестник Московского государственного областного университета серия “РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ”. – М.: МГОУ, 2010 – № 2. – С. 69–72.
34. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Виктория Николаевна Ярцева. – М.: “Большая Российская энциклопедия”, 1998. – 685 с.
35. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / David Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
36. Robbins R.H. A Short History of Linguistics / R.H. Robbins. – [2 ed.]. – L.; N.Y., 1979. – 248 p.
37. Гоголь Н.В. Вий [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – Режим доступа: <http://www.ngogol.ru/book/861>.
38. Гоголь Н.В. Женидьма [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – Режим доступа: <http://www.ngogol.ru/book/869>.

39. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – Режим доступа: <http://www.ngogol.ru/book/865>.
40. Гоголь Н.В. Коляска [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – Режим доступа: <http://www.ngogol.ru/book/862>.
41. Гоголь Н.В. Портрет [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – Режим доступа: <http://www.ngogol.ru/book/863>.
42. Гоголь Н.В. Предупреждение к позднейшим приложениям к «Ревизору» / Н.В. Гоголь // Полное собрание сочинений: [в 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. – Т. 4. Ревизор, – 1951. – С. 109–111.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мунтасыра Абдур-рахман Хамид
преподаватель русского языка
Багдадский Университет,
Багдад, г. Ирак

Аннотация. Предметом нашего исследования являются второстепенные члены предложения в русском языке. С давних пор в лингвистической науке известно, что конструктивный состав предложения организуется иерархически. На этом основано традиционное деление членов предложения на главные (подлежащее и сказуемое), конституирующие грамматический центр предложения, и второстепенные (определение, дополнение и обстоятельство), относящиеся к нему лишь как своеобразные распространители.

Abstract. The study sheds light on the parts of dependent clause of Russian language. The subject being discussed is of a long history. If it could be divided in to two main stages. The first stage divides the dependent clause according to grammatical relatives that puts the word in to adjective, verbs and adverbs. Such a division could not explain all the grammatical phenomena that appeared at the second stage. Thus, the second stage witnessed anew view points that require a radical reconsideration of the subject.

Ключевые слова: русский язык; второстепенные члены предложения.

Keywords: Russian language; secondary members of the proposal.

Вопрос о второстепенных членах предложения имеет длительную историю. С некоторой долей условности в ней можно выделить два этапа. На первом этапе были выработаны два различных пути квалификации и классификации второстепенных членов. Один из них предполагал разграничение членов предложения и выделение (определений, дополнений и обстоятельств) на основе синтаксической связи. Согласуемый член интерпретировался как определение, управляемый – как дополнение, примыкающий – как обстоятельство [4, с. 273]. Второй, предложенный им же путь учитывал вещественные значения слов, в соответствии с чем определение рассматривалось как член предложения, выражающий атрибутивные отношения, дополнение – объективные, а обстоятельство – разнобразные отношения типа локальных, временных, причинных, целевых и т. д.

Характер второго этапа развития учения о второстепенных членах как раз определяется начинавшимся пересмотром этого учения и - как следствие – серьезными разногласиями среди лингвистов по поводу путей такого пересмотра. Часть лингвистов сочла необходимым вообще отказаться от понятия второстепенных членов.

Опираясь на некоторые идеи В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведова, пришла к заключению, что в грамматической структуре предложения наряду с обычными второстепенными членами существуют так называемые детерминанты – дополнения и обстоятельства, относящиеся к предложению в целом.

И.П. Распопов предлагал рассматривать традиционно выделяемые разряды определений, дополнений и обстоятельств с учетом их участия в осуществлении "общего стратегического плана", по которому строится и членится предложение [13, с. 225]. По мнению И.П. Распопов, из двух главных членов, образующих грамматическую основу предложений, наиболее существенную роль играет сказуемое, структурой и семантикой которого и предопределяется конструктивно-синтаксическая организация предложения в целом. В соответствии с этим полное право на статус членов предложения получают только те словесные формы (или комплекс словесных форм), которые замещают в составе предложения проецируемые сказуемым конструктивные позиции, т. е. дополнение и обстоятельство. Что касается определений, то они сами по себе членами предложения не являются, а выступают лишь в качестве составных элементов членов предложения, как главных, так и второстепенных, в случае их комплексного (т. е. неоднословного) выражения.

С учетом этого второстепенные члены предложения распадаются на две основных подгруппы, о которых говорилось выше, - номинанты и детерминанты. Данный факт не отрицает существования особых

второстепенных членов, названных дуплексивами. При этом следует сказать, что номинанты распространяют либо подлежащее, либо сказуемое, либо являются распространителями распространителей, а детерминанты во всех случаях последовательно относятся или бытийному компоненту составного именного сказуемого или к глаголу.

Второстепенные члены предложения в русском языке

Предметом нашего исследования являются второстепенные члены предложения в русском языке. С давних пор в лингвистической науке известно, что конструктивный состав предложения организуется иерархически. На этом основано традиционное деление членов предложения на главные (подлежащее и сказуемое), конституирующие грамматический центр предложения, и второстепенные (определение, дополнение и обстоятельство), относящиеся к нему лишь как своеобразные распространители.

Актуальность работы определяется тем, что данный вопрос всегда вызывает дискуссия в лингвистической науке и требует постоянного рассмотрения.

Целью исследования является описание характера второстепенных членов предложения. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: классифицировать второстепенные члены предложения в современном русском языке и определить падежные и предложно-падежные формы, способные репрезентировать их.

Вопрос о второстепенных членах предложения имеет длительную историю. С некоторой долей условности в ней можно выделить два этапа.

На первом этапе были выработаны два различных пути квалификации и классификации второстепенных членов. Один из них предполагал разграничение членов предложения и выделение (определений, дополнений и обстоятельств) на основе синтаксической связи. Согласуемый член интерпретировался как определение, управляемый – как дополнение, примыкающий – как обстоятельство [4, с. 273]. Второй, предложенный им же путь учитывал вещественные значения слов, в соответствии с чем определение рассматривалось как член предложения, выражающий атрибутивные отношения, дополнение – объективные, а обстоятельство – разнообразные отношения типа локальных, временных, причинных, целевых и т. д.

Первый вид классификации очень рано выявил свои недостатки, которые заключались в том, что при опоре на способы связи в один и тот же разряд попадали принципиально разные явления (ср. Пить чай с тёщей с удовольствием), а тождественные явления оказались разнесёнными по разным подразделениям (с. Изделия из металла и Металлические изделия).

В результате главенствующей стала классификация по значению, которая и была закреплена в "Грамматике русского языка АН СССР 1954". Вместе с тем в этой грамматике, которая подвела итог первому этапу разработки учения о второстепенных членах предложения, ее редактором В.В. Виноградовым было отмечено наличие спорных случаев. В частности, он указал, что деление второстепенных членов предложения на три разряда не всегда обеспечивает "безостаточное" распределение всего многообразия синтаксических явлений в составе предложения по соответствующим рубрикам. Исходя из этого В.В. Виноградов пришел к заключению, что традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре [5, с. 97]. Целью этого пересмотра, по его мнению, должно стать выявление и описание синкретических явлений, характерных для некоторых второстепенных членов.

Характер второго этапа развития учения о второстепенных членах как раз определяется начинавшимся пересмотром этого учения и - как следствие - серьезными разногласиями среди лингвистов по поводу путей такого пересмотра.

Часть лингвистов сочла необходимым вообще отказаться от понятия второстепенных членов. К их числу относится прежде всего Т.П. Ломтев, заменивший понятие второстепенных членов понятием позиции, которая трактуется как звено в структуре предложения, занимаемое данной словесной формой. Данное понятие, по его мнению, вводится с учетом связей, которые осуществляются в предложении глаголом [9, с. 10]. Согласно такой точке зрения в предложении можно выделить независимую позицию (позицию глагола или имени отношений) и зависимую (прилагольные позиции).

Несколько по иному пути пошел А.М. Мухин, заменивший теорию грамматического анализа по членам предложения теорией синтаксемного анализа, которая базировалась на понятии синтаксемы как элементарной единицы-инварианта, представленной в языке рядом вариантов [10, с. 21].

В Грамматике современного русского литературного языка АН СССР 1970 г. перестройка традиционной системы членов предложения свелась к устранению раздела, посвященного второстепенным членам. Соответствующие явления при этом были перенесены в синтаксис словосочетания [6].

Попытка полного или частичного отказа от понятия членов предложения не были поддержаны лингвистами по ряду причин. Во-первых, дело, по мнению некоторых теоретиков, нередко сводилось к замене одних терминов другим [14, с. 131 – 132]. Во-вторых, нарушалась элементарная логика. Так, А.В. Бондарко, В.И. Кодухов в своей

рецензии на Граматику 1970 г. подчеркивали, что термин "главные члены" лишается своей мотивировки, если ему не противопоставлен термин "второстепенные члены" [2, с. 14]. Как эти, так и другие обстоятельства заставили лингвистическую науку обратиться к более тонкому и дифференцированному пересмотру традиционно выделяемых второстепенных членов (определения, дополнения, обстоятельства). Такого рода пересмотр отличается внутренней неоднородностью и идет по трем направлениям.

Первое направление пересмотра связано с более тонкой дифференциацией второстепенных членов. Опираясь на некоторые идеи В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведова Пришла к заключению, что в грамматической структуре предложения наряду с обычными второстепенными членами существуют так называемые детерминанты – дополнения и обстоятельства, относящие к предложению в целом. По ее мнению, этим второстепенным членам свойственны следующие признаки: 1) их положение в абсолютном начале предложения; 2) их сочетаемость с различными структурными схемами предложения; 3) их регулярная сочетаемость во всех формах одного и того же предложения [6, с. 225]. Концепция Н.Ю. Шведовой достаточно быстро получила широкое распространение, и понятие детерминантов стало общепринятым в лингвистическом обществе. Вместе с тем она вызвала дискуссии, касающиеся грамматических признаков детерминантов, в ходе которых отмечалась, что местоположение и регулярная сохраняемость при всех видоизменениях предложения по линии модальных и временных значений не являются особыми и исключительными признаками детерминантов и ничем не выделяют их среди других словесных форм, включаемых в состав предложения посредством словосочетательной связи [12, с. 98]. Точно так же далеко не всеми было принято допущение, что детерминанты являются распространителями предложения в целом, не вступающими в словосочетательную связь с другими словами в составе этих предложений. Так, в частности, М.К. Милых Отмечала, что в предложении вообще не могут употребляться формы, так или иначе не связанные с другими формами (Милых 1972, с. 84). Аналогичным же образом Распопов И.П. полагал, что детерминирующие члены находятся в подчинительной связи со сказуемым независимо от его лексической и формальной репрезентации и являются полноправными членами предложения, хотя и находится на более далеком семантико-синтаксическом расстоянии от сказуемого [12, с. 99].

Второе направление пересмотра традиционных воззрений предполагает выделение особых членов предложения с двойным отношением, названных Л.Д. Чесноковой Дублексивами. В соответствии с этим

различаются два разряда второстепенных членов: 1) второстепенные члены с одинарным отношением (одинарное атрибутивное, объектное и обстоятельственное отношения); 2) второстепенные члены с двойным(бинарным) отношением, в сфере которых существуют два функционально-семантических класса: атрибутивно-обстоятельственный член, охватывающий всю сумму атрибутивно-обстоятельственных отношений, и атрибутивно-объектный член, который имеет две разновидности: объектно - квалификативную (сделал его командующим) и объектно-процессуальную (заставил его уйти) [15, с. 130-131].

Третье направление отражает стремление доказать, что второстепенные члены представляют собой нерядоположные понятия и нуждаются в новом упорядочении. Так, И.П. Распопов считал, что наиболее приемлемым является дифференцированный подход к квалификации в качестве членов предложения традиционно выделяемых разрядов определений, дополнений и обстоятельств, учитывающий их участие в осуществлении "общего стратегического плана", по которому строится и членится предложение [13, с. 225]. По мнению И.П. Распопова, из двух главных членов, образующих грамматическую основу предложений, наиболее существенную роль играет сказуемое, структурой и семантикой которого и предопределяется конструктивно-синтаксическая организация предложения в целом. В соответствии с этим полное право на статус членов предложения получают только те словесные формы (или комплекс словесных форм), которые замещают в составе предложения проецируемые сказуемым конструктивные позиции, т. е. дополнение и обстоятельство. Что касается определений и вообще всех зависимых словесных форм, не связанных со сказуемым как таковым, а присоединяющихся к другим словесным формам по правилам распространения отдельных частей речи (независимо от их семантико-синтаксических функций в составе предложения), то они сами по себе членами предложения не являются, а выступают лишь в качестве составных элементов членов предложения, как главных, так и второстепенных, в случае их комплексного (т. е. неоднословного) выражения. С учетом этого второстепенные члены предложения распадаются на две основных подгруппы, о которых говорилось выше, - номинанты и детерминанты. Данный факт не отрицает существования особых второстепенных членов, названных дуплексивами. При этом следует сказать, что номинанты распространяют либо подлежащее, либо сказуемое, либо являются распространителями распространителей, а детерминанты во всех случаях последовательно относятся или бытийному компоненту составного именного сказуемого или к глаголу.

Номинанты

Из трех второстепенных членов предложения используется чаще всего определение: *Новые колхозы в городском уезде* (В. Аксенов); *И все это было здесь в одном городе...* (А. Солженицын); *На каждой станции стояли, наверное по четыре часа* (М. Булгаков) *Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного прекрасного далека тебя вижу* (Н. Гоголь); *Он в день убийства утром на пасеку заходил и, вероятно, видел пасечника еще живого* (М. Черненко); *Рынка в чистом виде не существует нигде в мире* (Н. Шмелев); *Украинец в рассеянности сибиб санями не успевшего убраться с дороги поросенка* (М. Шолохов).

Возможны здесь и дополнения, которые обычно фиксируются в указанных ниже случаях:

а) при отглагольных существительных, образованных от переходных глаголов, разрешающих использование родительного падежа объекта: *Значит, внедрение анестезии по Градову не за горами* (В. Аксенов);

б) при отвлеченных существительных, образованных от переходных глаголов, разрешающих употребление различных предложно-падежных форм: *Выход на море придал городу туристическую значимость* (разг. речь); *Даже воспоминания об этих вечерах вызывает у Ленки тоску и отвращение* (Л. Пантелеев);

в) при существительных, разрешающих использование предложно-падежных сочетаний с предлогом *к* : *Хотя он давно расстался с женой, но любовь к ней осталась в сердце до сих пор* (разг. речь);

г) при существительных, обозначающих лицо и сочетающихся с существительными в родительном падеже: *Лично я, Птахин Петр Никанорыч, секретарь комсомольской ячейки в Горелове* (В. Аксенов);

д) при существительных, имеющих значения компонента целого или выделяемой из него в каком-то объеме ограниченной части: *Какая жестокая брешь в первой шеренге партии!* (В. Аксенов).

Что касается обстоятельств, то, как отмечали исследователи (Папела 1978, с. 221), при реализации с именами существительными они трансформируются в определение. Эта точка зрения верна, поскольку в словосочетаниях типа *Москва ночью, Чай по-турецки возможна постановка вопроса какой?* Однако следует указать, что согласно теории пропозиции, допускающей возможность свернутой репрезентации ситуации, в словосочетаниях типа *Чтение вечерами, Нападение в бездну* возможна трактовка их зависимых компонентов как обстоятельства, хотя очевидно, что они имеют определительное значение.

Детерминанты

Как уже говорилось выше, детерминанты выполняют только две функции – либо обстоятельственную, либо объектную [6, с. 80]. Это наблюдение подтверждается и нашим материалом. В настоящей работе внимание уделяется в основном вычленению и квалификации детерминантов. Вслед за Бурханом Дж. Х. мы различаем четыре группы детерминантов: рамочные, мотивирующие, предметно-квалифицирующие и аспектно-характеризующие. Каждая из этих групп подразделяется на несколько типов.

Р а м о ч н ы е детерминанты определяют общие рамки той внешней фоновой ситуации, которая сопутствует речевому акту и в пределах которой существует / не существует сообщаемая данным предложением ситуация. К ним относятся два детерминанта – темпоральный и локальный.

Темпоральный детерминант организован на лексической основе и предполагает отсылку к какому-то событию, принятому за временной ориентир. Он фиксирует три вида отношений к этому ориентиру: до ориентационного события: **Вчера** у нас состоялось бурное объяснение (С. Высоцкий), во время этого ориентира: **Сейчас** у меня другие намерения (Л. Пантелеев); **Теперь** в селе было несколько улиц (А. Иванов) и после него: **Завтра** все изменится (разг. речь); **Отца** арестовали **через два дня** (журн. Огонек); **Скоро** зазимок (Ю. Казаков).

В функции ориентира используются обыкновенно падежные и предложно-падежные формы и наречия, способные служить целям квантования времени. Эти номинации обычно обозначают:

а) минуты, часы, дни, числа, недели, месяцы, годы, десятилетия и века: **К сегодняшнему дню** у него для этого стало гораздо больше возможностей (из газет); **Через несколько минут** группа оказалась в узком Ветошном проезде... (В. Аксенов); **Это было на девятом этаже часов в одиннадцать** вечера... (Ю. Домбровский); **14 июня 1940 г.** Отец Иван был по делам в Каунасе (В. Кормер); Я вспомнил, как в их день **семь лет назад** я был здесь же и как было хорошо (В. Кормер);

б) времена года: **Летом** я был у себя на родине (разг. речь); **Зимой** на севере очень холодно (разг. речь);

в) времена суток: **Голова у меня к вечеру** совершенно прошла (из газет); **Наутро** Ялта встала умытая дождями (М. Булгаков); **Сегодня вечером** сходка (А. Рыбаков); **Ночью** в Сухиничах вам будет пересадка (Б. Пастернак);

г) разного рода события и процессы: **К обеду** он уже был дома (разг. речь); **Перед революцией** он был от нашей партии в межпар-

тийной контрразведке (В. Аксенов); ... **Во время оккупации** он был рядом, за городом (И. Поляк).

Кроме этого, здесь возможно и употребление придаточные предложения: **Когда солнышко вышло**, парень был же далеко от просеки (В. Шукишин); **Но я-то знал, что старый дом умер. Он умер давно, когда я покинул его** (Ю. Трифонов); - **Неужели тебе нравится, когда танцер холоден?** (Ю. Семенов).

Локальный детерминант фиксирует пространственную рамку, в пределах которой бытует тот или иной предмет или происходит действие. Он является одним из весьма частотных детерминантов, потому что вместе с темпоральным детерминантом определяют фон, на котором реализуется данный детерминант (Аношкин 1991, с.109).

Для их содержательной систематизации мы будем использовать классификационную схему, разработанную З.Д. Поповой с учетом ряда моментов, в частности отношения к различным сторонам предмета [11, с. 39]. На основании этого можно выделить следующие разновидности детерминантов:

1) Указывающие на ориентир безотносительно к стороне предмета: **Около кабинета** директора собрались бастующие (из газет); **Возле домов** – виноград, ябони, нруши (В. Песков); **У колодца** шум, говор, смех (Ф. Абрамов); **По дороге** зимней, скучной Тройка бежит (А. Пушкин); Ты ведь понимаешь, где бы мы ни оседали, **взде** оказывалось не по тебе (Е. Ефимов); Куда ни взглянешь – **повсюду** нежно (И.Северянин); - **Там** у меня вода принесена с родинка (Г. Горышкин);

2) Предполагающие указание на ориентир и одновременно учитывающие его внутреннюю часть: **В руках** у него по четыре котелка (М. Колосов); **Вот она** встретила с девочкой, которая сидела **в первом ряду** у окна (Н. Макарова); **Это** - барский дом и я **в нем** работаю губернатором (Б. Пастернак); **В семье** ее звали Огюстиной (А. Левандовский);

3) Учитывающие отношение к поверхности ориентира: **У меня на столе** гора писем (В. Песков); **На плечах** у Николки унтер-офцерские погоны с белыми нашивками, а **на левом** рукаве остроугольный трехцветный шеврон (М. Булгаков);

4) Содержащие указание на нижнюю сторону ориентира: **Под мостом** было гулко и звонка (Ч. Айтматов); - **Где берут** таких папочек? Мой сидит за столом, **под локтем** тарелка, обед в кастрюле, но и пальцем не шевельнет (Я. Ильичев);

5) Обзначающие отношение к верхней стороне ориентира: **И снова** ели в огнях, и снова **над кришами** – "С новым годом! С Новым

годом!"(В. Тендряков); **Над океаном** блеск и тишина (Г. Иванов); **Над городом** самолет (Ю. Трифонов);

б) Реализующие указание на отношение к оборотной стороне ориентира: **За речкой** луг, **за лугом** лес (В. Ходасевич); **Где берут таких папочек? Мой сидит за столом, под локтем тарелка, обед в кастрюле, но и пальцем не шевельнет** (Я. Ильичев);

7) Предполагающие указание на отношение к лицевой стороне ориентира: **Правда, и задача перед ним стояла проще** (К. Икрамов); **Ему было стыдно перед сотрудниками** (М. Костров).

Предложенная схема, однако, не исчерпывает всего богатства пространственных отношений. В частности, в пределах нашего материала приходится учитывать, кроме отношений, упомянутых З.Д. Поповой, отношения к левой и правой сторонам ориентира: **Здесь находился театр. Направо был кафе, а налево – банк** (разг. речь), и всякого рода случай, когда соответствующие детерминанты фиксируют расстояние от ориентира, которое реализуется тремя способами: указанием на конкретное расстояние, измеряемое в соответствующих единицах измерения: **Далеко еще, верст сто пятьдесят, а может быть, и двести, от Города, на путях, освещенных белым светом, – салон-вагон** (М. Булгаков); **На сто сажений офицер от офицера – это цепь называется** (М. Булгаков); определением расстояния при помощи слов **недалеко от, близко от** (чего-либо): **Большинство американских колледжей распол-агаются вдали от больших городов** (Комс. правда); указанием на какой-либо предмет, занимающий определенное пространство: **Артисты сидели через стол от нашего стола** (разг. речь).

М о т и в и р у ю щ и е детерминанты называют всякого рода обстоятельства внешней действительности, с которым связано существование / несуществование сообщаемой ситуации. Эта группа включает в свой состав пять детерминантов: условно-конституирующий, причинный, целевой, уступительный и результативно-следственный.

Условно–конституирующий детерминант акцентирует внимание на тех рамках, с наличием или отсутствием которого связано существование / несуществование сообщаемой ситуации. С точки зрения формальных средств его выражения он неоднороден. Здесь чаще всего возможна форма предложного падежа с предлогами **при, в**. Иногда в этой функции употребляются придаточные условные предложения: **При условии, что он позвонит, я останусь на работе** (разг. речь); **Дед говорил, что если бы затянуться разок – другой, ему бы сразу полегчало** (К. Паустовский); **Если не пойдет дождь, я пойду гулять**(разг. речь).

Причинный детерминант указывает на причину существования положения дел, обозначенного в предложении. Этот тип представляет собой неоднородное явление. Для его репрезентации используется наречное слово **почему (поэтому)**. Реже употребляется сочетание родительного падежа с предлогом **из-за**: *В отделе **почему-то** не курят (М. Костров); **Поэтому** сегодня значительная часть международных финансовых организаций, которые хотят играть по знакомым правилам, видят свою задачу в том, чтобы имеющиеся у них средства направлять... на создание качественно новых банков (Труд); **Из-за плохой погоды** семья осталось дома, отложив прогулку на другой день (разг. речь); **От духоты и спиртового лака** было нечем дышать (Ю. Трифонов).*

Целевой детерминант именуется положение дел, реализацию которого предполагает ситуация, называемая предложением. Со стороны формальных средств его выражения он неоднороден. Для его репрезентации употребляется, в основном, придаточные цели и изредка предложно-падежная форма (обычно сочетание предлога **для** + существительное в родительном падеже): ***Для чего ты здесь?** (разг. речь); **Чтобы улететь**, он должен быть в аэропорту рано утром (разг. речь); **Двух их полков достаточно, чтобы раздавить этого вашего Петлюру, как муху (М. Булгаков).***

Уступительный детерминант указывает на условие, вопреки которому существует или, наоборот, не существует данное положение дел, обозначенное в предложении. Функцию этого детерминанта в большинстве случаев выполняют придаточные предложения: ***Хотя начал моросить дождь**, мы остались в лесу (разг. речь); **Но, несмотря на все эти события**, в столовой, в сущности говоря, прекрасно (М. Булгаков).*

Результативно-следственный детерминант называет определенное внешнее положение дел, в результате которого возникла и существует данная сообщаемая ситуация. Для его репрезентации обычно используются сочетания составных именных предлогов *в итоге, в результате, вследствие* с именем существительным (иногда с прилагательным): ***В результате взрыва погибли два человека и трое получило ранение (из газет).***

Предметно-квалифицирующей детерминанты именуется разнообразные предметы фоновой ситуации, с которым так или иначе связано существование сообщаемой ситуации. Набор предметно-квалифицирующих детерминантов довольно велик. К ним относятся: пассивный, адресатно-субъективный, субститутивный, корреспондирующий, сопроводительный и координативный детерминанты [3, с. 111].

Пассивный детерминант фокусирует нахождение ситуации, обозначенной предложением, в сфере чьих-либо интересов. В функции этого детерминанта выступает лишь одна форма – соответственно предложно-падежное сочетание предлога *у* с родительным падежом имени существительного: *У нас кругом поля; Голова у меня к вечеру совершенно прошла (из газет); У меня на столе гора писем (В. Песков).*

Координативный детерминант называет предмет или определенное положение дел, в соответствии с которым фиксируется ситуация, обозначенная предложением. Этот тип детерминантов также является формально однородным. Его функцию выполняет лишь форма дательного падежа существительного с предлогом *по*: *По карте до этого села пять километров (разг. речь); По его совету он не взял с собой в дорогу ничего лишнего (разг. речь); По расчетам метеорологов в Центральном районе завтра должно быть прохладно (из метеосводки).*

Адресатно-субъективный детерминант называет предмет, которому адресована констатируемая ситуация и который должен стать главным ее героем: *Антону было тяжело дышать (разг. речь); Казалось, этому преуспеянию не будет конца (А. Левадовский); Но так могло показаться только стороннему наблюдателю (А. Левадовский).*

Корреспондирующий детерминант обозначает предмет, по отношению к которому констатируемая ситуация является действительной: *Для тебя он начальство, а для меня ноль; Для раздумий не осталось времени (из газет).*

Субститутивный детерминант указывает на предмет, замещаемый в силу сложившихся обстоятельств предметом, который является участником констатируемой ситуации: *Взамен любви у ней слова (разг. речь); Вместо отопления – чадные жаровни (И. Эренбург); Вместо стеклышка банка из-под гуталина (И. Грекова).*

А с п е к т н о – х а р а к т е р и з у ю щ и е детерминанты обозначают определенные особенности сообщаемой ситуации и тем самым указывают на то, как она существует в рамках внешней, фоновой ситуации. К ним относятся четыре детерминанта: количественный, количественно-временной, секвентный и аналогово-контрастирующий.

Количественный детерминант, являющийся вторым по частотности после темпорального, имеет три разновидности: кратную, суммарную и реформативную.

Кратная разновидность количественного детерминанта указывает на то, что речь идет о незаконченном ряде повторяющихся ситуаций по отношению к тому или временному моменту. Детерминанты этого вида акцентируют внимание на разных аспектах повторения, подчеркивая, например, что оно носит регулярный, спорадический и т. д. характер: *Клевало так часто и безошибочно, будто река кипит*

рыбой (В. Солоухин); У него вышло, что **всегда** можно быть самым собой (Д. Гранин); Мне нравилось ездить к ним **по воскресеньям** (Л. Пантлеев).

Суммарная разновидность количественного детерминанта обозначает количество или сумму повторений тождественных ситуаций в прошлом или в будущем. Эта сумма может быть определенной или, наоборот, неопределенной: **Дважды** провизжало, **дважды** огрызнулось внизу, под лыжами (А. Иванов); **Несколько раз** вдали сверкнуло (из газет).

Реформативная разновидность количественного детерминанта содержит указание на то, что данная положение дел реализуется не первый, а второй, третий раз и т. д.: **Опять** с грохотом и страстью пронесло лед (В. Распутин); **Снова** громынуло (С. Абрамов); - Мы, кажется, улыбаемся, будьте добры, соблаговолите **еще раз** улыбнуться (А. Чехов); **Однажды** ей даже пришлось написать ему (К. Симонов); **Всякий раз** в комнате оказывалось два-три милиционера (Н. Волков).

Количественно-временной детерминант с содержательной стороны является неоднородным, хотя во всех случаях указывает на количество времени, затраченного на событие, т. е. фиксирует длительность последнего. Здесь различаются три вида данного детерминанта, соответственно указывающих на срок существования действия: **Он гулял два часа**; **Он спит уже второй час**; на срок осуществления действия: **За два часа** студенты ответили на все вопросы; на срок сохранения результата действия: **Он поедет к матери на три дня** [9, с. 28].

Первый вариант является самым представительным разнообразным и с точки зрения формальных средств его репрезентации, и со стороны реальных отношений, которые он выражает. Здесь действует целая серия значений таких, как абсолютного, относительного, кратного, сомкнутого и ограниченного. Для выражения этого вида употребляются, в основном, наречные слова, реже – предложно-падежные формы: предлоги **с**, **до** с именем существительным в родительном падеже, форма дат. пад. с предлогом **по** и, наконец, форма вин. пад. с предлогом **по**: **С тех пор** в хуторке никого не живет (А. Кольцов); **С ноября по март** в его доме будет холодно (В. Осипов); Их уцелело **до сегодня** совсем немного жури (Огонек); Как вы думаете, Антон Сергеевич, это **долго** будет так продолжаться? (В. Набоков); Квартира простояла пустой... только **неделю** (М. Булгаков); И **долгой зимой** мечталось ему о сегодняшнем часе (Б. Екимов); Поручик **целый день** плакаты чертит, а ты хочешь – богу молись, хочешь – книжки читай, хочешь на улицу ступай (А. Чехов).

Иногда эту функцию выполняют придаточные предложения времени с союзом **пока**, реализующим длительность или границу существования данного положения дел или действия: **Пока добежим домой, вечер будет** (А. Гайдар).

Для второго вида количественно-временного детерминанта, обозначающий срок осуществления действия употребляется форма вин. пад. с предлогом **за**: **Тонкий лед на повороте за ночь слегка присыпало снегом** (П. Гранкин); **За три дня у меня перебывало множество знакомых** (из газет).

Третий вид количественно-временного детерминанта, указывающий на срок сохранения результата действия семантически неоднороден и выражается сочетанием имени существительного в винительном падеже с предлогом **на**, а также наречиями **надолго**, **навсегда**: **Усадебный дом ослепительным квадратом на мгновение появляется из черноты** (В. Песков); **На какую-то секунду в трубке смолкло** (Ф. Абрамов); **Мама попросила меня задержаться еще на день** (К. Паустовский); **Он приехал сюда на неделю и желает навсегда здесь оставаться** (разг. речь).

Сквенный детерминант содержит указание на место ситуации в ряду других ситуаций, подчеркивается, что она начинается этот ряд, продолжает его или завершает его: **Сначала делегация была в Лондоне, а потом поехала в Париж** (разг. речь); **Наконец я оказался как раз позади нее** (В. Набоков).

Аналогово-контрастирующий детерминант указывает на то, что данная сообщаемая ситуация либо аналогична каким-то другим ситуациям, либо прямо противоположна им, что и передается с помощью предложно-падежных сочетаний, включающих предлоги **по** и **вопреки**: **Вопреки своим принципам он начал бывать в ресторанах** (разг. речь); **По обыкновению прбежки были утром** (разг. речь).

Список литературы:

1. Аношкин А.Н. Глаголы с объемно-следственными акциональными модификаторами и их синтаксические свойства: Дис. кан. филол. наук. Воронеж, 1991.
2. Бондарко А.В., Кодухов В.И. О новой модели описания грамматического строя русского языка // ВЯ. № 6, 1971.
3. Бурхан Дж. Х. Двусоставные реляционно-предметные предложения: Дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1993.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
5. Грамматика русского языка. – М. АНСССР, 1954. Т. 2. Ч. 1.

6. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. – М.: Наука, 1970.
7. Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса. - М.: Наука, 1973.
8. Кныш О.Н. Экзистенциальные предложения в современном русском языке: Дис. кан. филол. наук. – Воронеж, 1990.
9. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке / Под ред. д-р филол. наук Арутюновой Н.Д. – М.: Изд. МГУ, 1979.
10. Мухин А.М. Синтаксический анализ и проблема уровней языка. – Л.: Наука, 1980.
11. Попова З.Д. Падежные и предложно-падежные формы русского языка в связочной речи. – Воронеж: Изд. ВГУ, 1974.
12. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж, 1973.
13. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис: Учебное пособие. – В. Изд. ВГУ, 1984.
14. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. - Л.: Изд. ЛГУ, 1974.
15. Чеснокова Л.Ю. Конструкции с предикативным определением и структура предложения в сов. рус. лит. языке. Ч. 1. – Ростов/Д, 1972. 16.
16. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложений // ВЯ. № 6, 1964.

3.3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ ОБРАЗОВАНИЯХ (СВОБОДНЫХ И НЕСВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ, А ТАКЖЕ ПОСЛОВИЦАХ) СО СЛОВОМ “APPLE”

Леонова Светлана Анатольевна

*канд. филол. наук,
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
ГБОУ МО «Университет «Дубна», филиал «Протвино»,
РФ, г. Протвино*

ABOUT SOME ENGLISH FORMATIONS (FREE COLLOCATIONS AND SET EXPRESSIONS, AS WELL AS PROVERBS) WITH THE WORD “APPLE”

Svetlana Leonova

*PhD of Philology,
associate professor at the Department of General Subjects
Dubna State University, Branch “Protvino”,
Russia, Protvino*

Аннотация. В статье рассматриваются различные английские образования со словом “apple”. Выявляются и описываются структурные особенности свободных, несвободных словосочетаний и пословиц, а также их тематическая направленность.

Abstract. Various English formations with the word “apple” are considered in the article. The structural peculiarities of free collocations, set expressions and proverbs as well as their thematic focus are singled out and described.

Ключевые слова: свободное словосочетание; устойчивое словосочетание; пословица.

Keywords: free collocation; set expression; proverb.

Слово “apple” было известно ранее 900 г. [3] и происходит от староанглийского “æppel” и от протогерманского “ap(a)laz” (можно сравнить немецкое “Apfel”, нидерландское “appel”, древнескандинавское erle и т. д.). Дальнейшее углубление в историю приводит нас к праиндоевропейскому корню “abl-“, от которого берет свое начало и русское слово «яблоко». Англо-саксонское «æppel» означало одновременно и «глаз», и «яблоко». В Средние века вплоть до XVII в. этим словом называли все фрукты (в отличие от ягод) и орехи [3].

Высокая употребительность всевозможных образований с изучаемым словом в современном английском языке наглядно демонстрирует актуальность данного исследования.

В процессе изучения самых разных источников (газет, произведений художественной литературы, словарей идиом) [3, 4, 5] нами были отобраны как словосочетания различных типов (свободные и устойчивые), так и пословицы, в состав которых входит слово “apple” в количестве 58 единиц.

Науку, изучающую лексико-семантическую сочетаемость слов языка, состав фразеологических единиц данного языка и совокупность, вид, тип, разновидность этих единиц называют фразеологией [1, с. 504].

«Словосочетание – соединение двух или более знаменательных слов (со служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления; любой вид грамматического сочетания полнозначных слов» [1, с. 426].

По степени смысловой спаянности компонентов можно выделить синтаксически **свободные** и **несвободные** (цельные или нечленимые) словосочетания.

В результате свободного соединения двух знаменательных слов получается свободное словосочетание. Каждое из составляющих его слов (главное и зависимое) обладает полноценным лексическим значением. Грамматически главное слово является также главным и по смыслу, а функция зависимого слова – конкретизация, уточнение значения главного в каком-либо аспекте или отношении.

В синтаксически цельных словосочетаниях грамматически зависимое слово оказывается главным по смыслу. Поскольку главное слово является семантически (информативно) недостаточным, то оно обязательно требует появления конкретизатора, в результате чего цельные словосочетания в предложении выступают как один его член. Итак, в устойчивом словосочетании «семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [1, с. 503-504].

По функции словосочетание сближается со словом и фразеологической единицей. Но слово или устойчивое сочетание слов (фразеологизм) закреплено в языке за каким-то простым или сложным понятием и лишь воспроизводится в речи, а словосочетание создается в процессе высказывания, когда возникает необходимость расчлененного наименования предмета и его признака (любимый город, воспоминания детства) [2, с. 282].

Пословица – жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом в ритмической форме. Пословица имеет обобщающий поучительный смысл.

Согласно определению «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, пословица (поговорка) – «образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонтическое оформление» [1, с. 341].

История и образ жизни народа, а также география расселения влияют на его ценностные ориентации и мировоззрение, что находит отражение в пословицах и поговорках.

Всего нами было выделено 53 словосочетания и 5 пословиц со словом “apple”. 4 словосочетания (6,9 % всех единиц) являются свободными, образованными по атрибутивному типу, слово apple в них является зависимым:

Apple blossom – яблоневый цвет;

Средняя длина свободных словосочетаний – 2 слова.

Оставшиеся 49 словосочетаний (93,1 %) – устойчивые:

Adam’s apple – Адамово яблоко, кадык; custard apple – анона;

Средняя длина устойчивых словосочетаний – 2,2 слова.

Итак, для описания словосочетаний со словом apple воспользуемся классификацией, приведенной в словаре О.С. Ахмановой [1, с. 426].

По господствующему слову почти все изучаемые словосочетания являются именными, за исключением двух глагольных (to upset the apple cart – расстроить чьи-то планы, спутать все карты).

По синтаксическому содержанию все словосочетания (за исключением двух глагольных) построены по атрибутивному типу, т. е. образованы по семантической модели «предмет и его признак» [2, с. 284]. Атрибутивная часть в них выражена:

1) Существительными – 45 (88,2 % от всех атрибутивных):

Love apple – помидор; thorn apple – дурман;

2) Прилагательными – 5 (9,8 %):

Bitter apple – колоцинт; bad apple – негодяй;

3) Составным причастием – 1 (2 %):

Cut-leaved apple – яблоня торинговидная;

С точки зрения структуры среди образований со словом “apple” отмечены:

1) По наличию / отсутствию предлога большинство словосочетаний являются беспредложными (49 из 53), и лишь 4 – предложные:

Apple of Peru (никандра физалисовая); Big Apple («Большое Яблоко», так в США называют Нью-Йорк, и иногда любой мегаполис).

2) Глагольные словосочетания – 3 из 53:

to keep as the apple of one’s eye — беречь как зеницу ока;

to upset smb’s apple cart – расстроить чьи-то планы, спутать все карты.

3) Словосочетания, образованные при помощи сравнительной конструкции *as ... as* (1 единица):

As easy as apple pie – проще пареной репы, проще простого.

4) Предложения (собственно пословицы) – 5 единиц (8,6 % от общего числа) – построены по модели простого утвердительного / отрицательного предложения – на первом месте подлежащее, затем – сказуемое, прямое дополнение либо наречие + предложное дополнение:

The apple never falls far from the tree – Яблоко от яблони недалеко падает.

A rotten apple injures its companions – Паршивая овца все стадо портит.

Во всех этих пословицах слово “apple” входит в группу подлежащего, т. е. является ядерным.

Тематически образования со словом “apple”:

1) В 43 случаях (74,1 %) – относятся к биологическим названиям растений:

Common apple – яблоня карликовая;

Среди них 10 (23 %) содержат названия областей / регионов, где изначально произрастали:

Kaffir apple – яблоня кафрская;

2) Выражает негативные характеристики человека – 5 единиц (8,6 %):

Apple polisher – подхалим; *bad apple* – негодяй; *smooth apple* – ловкач, проныра;

3) Глагольные словосочетания могут отражать ценность чего-либо, лесть по отношению к кому-либо, или разрушение чьих-то планов (всего 3 (5,1 %) – по 1 на каждую тему): *to polish the apple* – льстить кому-л., подлизываться.

4) В 2 случаях (3,4 %) – является обозначением еды:

Apple butter – яблочное повидло.

Рассмотрим тематику пословиц с изучаемым словом:

1) некая негативная характеристика или объект (обычно связано с человеком) – 4 пословицы (7 % от всех единиц): A rotten apple spoils the barrel (Одна паршивая овца все стадо портит);

2) здоровье как ценность (1 пословица (1,8 %) – An apple a day keeps the doctor away (Кто яблоко в день съедает, у докторов не бывает).

Таким образом, большинство образований со словом apple представляют собой словосочетания различных типов (91,4 %), и лишь 8,6 % – пословицы, оформленные в виде полных предложений. Что касается тематики, то основная часть связана с названиями растений (74 %), а также с негативными характеристиками человека (16 %), ценностями (например, здоровья, переносный план, характерный для пословиц), названиями еды / блюд, лестью и разрушением планов (оставшиеся 10 %).

Всевозможные словосочетания и пословицы отражают национальную языковую картину мира. Использование таких единиц позволяет глубже освоить язык и его оттенки, сделать речь более красочной и эмоциональной.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
2. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1996. – 462 с.
3. Словари [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.com> (Дата обращения: 09.01.2018).
4. The Moscow News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk> (Дата обращения: 07.12.2017).
5. The Times [Электронный ресурс]. URL: <https://themoscowtimes.com> (Дата обращения: 10.12.2017).

КОМПЛИМЕНТ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРАХ

Харламова Лия Ленаровна

*магистрант, Сургутский государственный университет,
РФ, г. Сургут*

Аннотация. В статье представлено исследование актуальной проблематики изучения современного понятия комплимента как речевого акта. Кроме того, изучена его сущность в качестве составляющей языковой нормы в английской и русской традициях. Отмечено, что русскими лингвистами не уделялось должное внимание изучению речевых актов комплимента, а значит, часто такие понятия, как «комплимент» и «похвала», почти ничем не разграничены. Тем не менее в ходе осуществления межнациональной коммуникации с представителями других стран у русского населения может возникнуть недопонимание.

Abstract. The article presents an investigation of the actual problems of studying the modern concept of the definition of a compliment, as a speech act. In addition, its essence has been studied as part of the language norm in English and Russian traditions. It is noted that the Russian linguists did not pay due attention to the study of speech acts of compliment, which means that often such concepts as "compliment" and "praise" are almost undistinguished. Nevertheless, in the course of carrying out interethnic communication with representatives of other countries, the Russian population may have a misunderstanding.

Ключевые слова: комплимент; похвала; речевой акт; классификация комплиментов; англоязычная культура; русскоязычная культура.

Keywords: compliment; praise; speech act; classification of compliments; English- language culture; Russian-language culture.

Длительное время теория речевых актов разрабатывалась на базе идеи о том, что в процессе речи человеком передается не только информация, но и совершаются какие-либо действия относительно коммуниканта.

Американским ученым Дж. Остином впервые было высказано предположение о том, что основная цель речевого акта – это не предоставление информации, а совершение действий, что имеют определенные последствия для слушающего или говорящего. К примеру, в качестве конкретных действий речевого акта могут выступить

обязательства или требования. Высказывания такого рода в науке называют перформативными речевыми актами, к которым принято относить извинения, приглашения, клятвы, обещания. Характерная особенность перформативного высказывания – это его сопоставление с действием, о котором шла речь в высказывании [4, с. 28].

В теории речевых актов общение принято рассматривать как систематизированное поведенческое, основанное на специальных правилах. При этом в любом речевом высказывании выделяют три разновидности речевого акта, такие как [2, с. 34]:

- акт собственного высказывания;
- пропозициональный акт;
- иллокутивный акт.

Для любого речевого акта свойственно удачное или неудачное завершение, т. к. в него могут быть включены такие понятия, как неудача или срыв. Подобную направленность можно объяснить тем, что конкретные действия могут осуществляться участником коммуникации осознанно и спонтанно. К подобным действиям относительно речевого акта можно отнести:

- Наличие универсальных требований, ведущих к успешности языковой коммуникации;
- Существование ограничений в языковой коммуникации;
- Существование ограничений, которые направлены на отражение стандартных характеристик, применяемых для всевозможных иллокутивных типов высказывания;
- Наличие ограничений, которые направлены на отражение успешности языковой коммуникации, при этом хорошим примером может служить система успешных условий речевых актов, разработанная Дж. Остином.

В рамках комплимента ключевая роль отведена адресанту, т. е. субъекту, отвечающему за стратегию общения и специфику выражения межличностных и внеличностных конфликтов. Межличностные установки в таком случае могут быть ориентированы как сами на себя, так и на адресата и слушающих лиц.

Принято выделять несколько типов комплиментарного высказывания [2, с. 39]:

- комплимент адресату;
- комплимент самому себе;
- комплимент слушающему, т. е. третьему лицу.

Соответственно, можно сделать вывод, что комплименты способны обладать различной направленностью и содержанием, а значит, перед тем как продолжить их классификацию, необходимо определить

критерии типологизации комплиментов. В качестве критериев такого рода выступают [5, с. 13]:

- комплименты обладают прямой направленностью на адресата, выступающего в роли получателя комплимента и обязательно присутствующего в данном коммуникативном пространстве;
- комплименты могут обладать опосредованной направленностью в том случае, если направлены на адресата, который присутствует в данном коммуникативном пространстве и выступает в качестве слушателя, однако не обладает характером участника интеракции;
- комплименты также обладают направленностью высказывания на адресата, который может вообще отсутствовать в коммуникативном пространстве, при этом существует характер интеракции с другими субъектами речевого акта;
- направленность комплимента на адресанта в интеракции с адресантом;
- комплимент может быть направлен на множественного и единственного адресата;
- комплименты бывают направлены на внешние и внутренние характеристики адресата.

Изучая комплимент в качестве формы речевого этикета, нужно отметить его обладание определенными национально-культурными особенностями и, соответственно, рассмотреть сквозь призму культурно-речевых традиций [1, с. 89].

В исследовании комплимент рассматривается в качестве оценки качеств собеседника, при этом часто такая оценка может оказаться завышенной, к примеру, рассмотрим русские и английские версии:

Мать говорит взрослой дочери: «Darling, you're looking absolutely wonderful!...oh, what a lovely perfume, is it a new one?». «Доченька, ты выглядишь прекрасно!». «Какой прекрасный парфюм, это новый?».

Муж говорит жене: «You look completely wonderful in that outfit, darling. You're gorgeous and I love you». «Ты совершенна в этом наряде. Ты великолепна, и я люблю тебя».

Незнакомый мужчина делает незнакомой женщине комплимент: «You are completely beautiful you know?». «Вы совершенны, Вы знаете?».

Следует отметить, что похвала и комплимент различны в силу своих ролевых отношений: комплименту соответствуют любые одобрительные и оценочные реплики, которые направлены на преувеличение качеств адресата. В русском языке комплименты, что выступают в качестве оценочных речевых актов, менее популярны, чем в британской культуре. Исходя из этого, англичане очень часто употребляют такие суперлативные прилагательные, как lovely,

fantastic, fabulous, super, terrific, stunning, ravishing, gorgeous, brilliant, marvelous, smashing, stunning и др. Подобные прилагательные оценивают внешность собеседника, его качества, умения, поступки, действия, причем часто даже самые незначительные, к примеру [3, с. 22]:

Комплимент, влекущий оказание помощи: «You are too kind». «Ты очень добрый».

Комплимент, подчеркивающий способности: «You're absolutely fantastic». «Ты фантастичен».

Комплимент как ответ на поздравление: «You are so thoughtful». «Ты такой заботливый».

Комплимент со стороны преподавателя студенту: «You're a dreamcometrue». «Ты мечтателен».

Комплимент со стороны матери ребенку после уборки квартиры: «You're a great little worker». «Ты замечательный помощник».

Существует большее количество классификаций речевых актов комплимента, а также существует различная частотность употребления комплиментарных высказываний. Замечено, что доминирующим критерием сопоставления комплиментов в русской и британской культурах являются объекты комплимента, а также особенности их употребления мужчинами и женщинами. Все это говорит об особенностях менталитета, а также культурно-национальных традициях, которые легли в основу речевых актов [6, с. 24].

Отличия в особенностях комплиментов проявляются не только в наличии разной направленности объектов комплиментов, но и адресантов, при этом необходимо говорить не только о разных внутренних, профессиональных, интеллектуальных и психологических составляющих, но и гендерных отличиях. Согласно исследованиям ученых, женское поведение не обладает столь сильными отличиями от мужского. Однако, несмотря на наличие общечеловеческих и смешанных признаков в женской и мужской парадигме поведения, женскому типу поведения свойственны некоторые отличительные черты, являющиеся истинно женскими качествами.

Зачастую средства выражения комплиментов в русской и британской культуре совпадают, однако англичанам свойственно выражение эмотивности в комплиментах, поэтому скринирование эмоциональности в русских комплиментах кажется им неискренним. Особенности эмотивных и эмоциональных лексем также представлены в работе. Однако нельзя утверждать, что эмотивность говорит о несерьезности и лживости англичан. В данном случае необходимо учитывать национально-культурные особенности и особенности межличностной коммуникации, которая требует от англичан улыбки и положительного настроения во время беседы.

Обобщая изученное, следует отметить, что комплимент как лексическое средство выражения положительного отношения может классифицироваться по разным признакам. Доминирующими признаками классификации комплимента в работе является рассмотрение типа направленности объекта комплимента, адресата комплимента и используемых языковых единиц для выражения эмотивности и эмоциональности в комплименте.

Список литературы:

1. Абрамова Г.С. Общая психология: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд. / Г.С. Абрамова. – М.: 2013. – 496 с.
2. Вайсбурд М.Л. Типология учебно-речевых ситуаций / М.Л. Вайсбурд // Психолого-педагогические проблемы интенсивного обучения иностранным языкам. – М.: МГУ, 2012. – 386 с.
3. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам / Г.А. Китайгородская. – М.: Высшая школа, 1992. – 103 с.
4. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: 2009. – 528 с.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М.: Наука, 1994. – 61 с.
6. Thornbury S. How to teach speaking / Scott Thornbury – England: Longman, 2002. – 156 p.

3.4. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА "ГУ" (СЕРДЦЕ) В РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ФЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПАМЯТЬ», «МЫШЛЕНИЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. КЕШОКОВА

Шугушева Джзюлета Хабасовна

*Ассистент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова,
РФ, КБР, г. Нальчик*

CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT "GU" (HEART) IN THE IMPLEMENTATION SEMANTICS FE WITH A VALUE OF "MEMORY", "THINKING" IN THE WORKS OF A.P. KESHOKOVA

Dzhuleta Shugusheva

*assistant Professor of the kabardino-circassian language and literature
Kabardino-Balkar state University After H.M. Berbekov,
Russia, KBR, Nalchik*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос репрезентации концепта «гу» (сердце) на материале фразеологии произведений А.П. Кешокова. Рассматриваются системные случаи целенаправленного использования автором тематической группы фразеологических единиц со значением «память», «мышление» с целью выявления их этнокультурной специфики.

Abstract. The article deals with the question of representation of the concept "zy" (heart) on a material of phraseology of the works of A.P. Keshokova. The system considers any intentional use by the author of the thematic groups of phraseological units with the meaning "memory", "thinking" with the aim of identifying their ethno-cultural specificity.

Ключевые слова: концепт; лингвокультурология; фразеологическая единица; семантика; контекст.

Keywords: concept; linguoculturology; phraseological unit; semantics, context.

Изучение и описание фразеологических единиц кабардино-черкесского языка, содержащие этнокультурный компонент "гу" (сердце), являются специфическим средством формирования адыгской фразеологической картины мира. В статье мы выявили, как представлена концепт «гу» (сердце) во ФЕ со значением «память», «мышление» в художественных текстах А.П. Кешокова.

В кабардино-черкесском языке гу как компонент слова входит в структуры многих лексем. В том числе со значением «память», «мышление»:

гупсысэн - думать, от *гупсысэ* - мысль, дума; *гупсысаклуэ* – мыслитель, *гупсысанлэ* - место совета; *гупсысэклэ* - образ, способ мышления; *гупсысэнниэ* - неразумный и т. д.:

гум иубыдэн - запомнить, мотать на ус, задумать (решить) (букв.: закрыть в сердце):

– *Къэзакъри? Къэзакъми нып гуэр ялэу къыцлэкълыныц, – жилэри Бэтокъуэ цигъэтыжсац. А тлум я псалъэр Тембот и гум ириубыдац* [3, с. 180]. / Казаки? Наверное, и у казаков есть какой-то флаг, - сказав Батоко, замолк. Их слова запомнил Тембот (здесь и далее перевод автора статьи. – Д.Ш.).

гум къыпыльэдэн - мгновенно вспомнить что-либо (букв.: вбежать в сердце):

(Лю) *Иджыпсту ди унэ сыкъыцыхутацэрэт, жилэрт иныкъуэми, и анэр и гум къыпыльэдауэ. Думэсарэ мыбы кърехъэллатэми?! Псоми я гур дахэ ицлэнт, псалъэ зацлэклэрэ* [4, с. 714]. / (Лю) - Хорошо было бы, если я сейчас очутился бы дома, иногда думал, мгновенно вспомнив мать. Была бы здесь Думасара?! Она всех подбодрила бы только словами.

Гум къинэн - остаться, запечатлеться в памяти, врезаться в память, запомнить что-то (букв.: остаться в сердце):

Лу хъыджэбз цлэкълум (Тинэ) гу лытэри лъэпсылъэм бгъэдыхъац, зыри къызэрыпэрымыуэнур ицлэу, а псымклэ и нэклури итхъэцлэц, гъуклитлэм заригъэцхъу. Хэт ицлэрэ, езыри гъуклэ хъужыкъуэмэ, жицэ хуэдэу. Тинэ ар, дауи, и гум къинат [3, с. 317]. / Лю обратил внимание на девочку (Тину) и подошел к деревянному корытцу с водой, зная, что никто ему не воспрепятствует, умылся этой водой,

подражая тем двум кузнецам. Кто знает, вдруг сам станет кузнецом. У Тины все это, конечно же, запечатлелось в памяти.

ГукIэ жыIэн - думать про себя, отметить про себя, говорить про себя (букв.: говорить сердцем):

Мыхэр военнэ дьдэц, жиIэрт игукIэ Хьэбибэ, фочи пулемети яIэц [5, с. 8]. / Они военные, отметила про себя Хабиба, у них есть ружья и пулемет.

Гум илгын - помнить о ком-, о чем-либо, держать про себя, думать о чем-то (букв.: лежать в сердце):

Хьэбибэ кызырыкIати игу илгыр жимыIауэ и жьэр увьIэнутэкъым [3, с. 20]. / Хабиба разбушевалась и не замолчит, пока не скажет, о чем думает.

Гу лгьитэн - заметить, увидеть; обратить внимание (букв.: уважать сердцем):

ЕгьэджакIуэм гу кьалгьитэмэ, кыпыгуфIыкIыу тIури цыст [Кешоков т.4: 18]. / Когда учительница обращала внимание на них, оба сидели улыбаясь.

Гум имыхун - не забыть; не упустить из виду (букв.: не выпадать из сердца):

(Хьэбибэ) Абы и ужь итыху, зэи и пхьур и гум ихуакъым [5, с. 20]. / (Хабиба) Пока она занималась всем этим, не забывала про свою дочь.

Гум икIыжынкъым - не забудется, запомнится; запасть в душу (букв.: не выйдет из сердца):

Парадыр Апчарэ и гум икIыжынкъым [3, с. 30]. / Парад Апчара не забудет.

Гум нубыдэн - запомнить; мотать на ус, зарубить себе на носу (букв.: закрыть в сердце):

Штабым Апчарэ лыкIуэу цIалэ цIыкIуитI цигьакIуэм, плгьэри и гум ириубыдац: дьгьэр кьэблэм кыицхьэцыувэным иджьыри тIэкIу кьэнэжат [5, с. 57]. / Когда Апчара отправила двух ребят в штаб, взглянула и запомнила: немножко осталось до того, как солнце встанет над зенитом.

ГукIэ шIэн - знать наизусть, на память (букв.: знать сердцем):

Инал сыткIи гуицI – тхьлт кьицтэнукъым, гукIэ еицIэ [4, с. 663]. / О чем ни спросишь Инала - в книгу не смотрит, все знает наизусть.

Гум кьридзэн - вспомнить что-либо мгновенно (букв.: кинуть в сердце):

(Казджэрий) И бынунэр и гум кьридзэмэ, нэхьри и цхьэм хузэгуэныжьырти, игьэзэжыным триубыдэрт [4, с. 600]. / (Казгирей) Когда он вспоминал о своей семье, еще больше сердился на себя и убеждал себя вернуться.

Гум къэкЫжын - припомниться, вспомнить, потряхнуть стариной (букв.: произрасти из сердца):

МыдэкIэ Жыраслээн и зэманьгъуэр и гум къэкЫжауэ хьыбар телъыджэу жиIэм удехъэх [3, с. 451]. / Вспомнив свою молодость, Жираслан рассказывает интересные, увлекательные истории.

Игу къэгъэкЫжын - припомнить, дать кому-либо возможность вспомнить о ком-, чем-либо (букв.: дать произрасти из сердца):

(Думэсарэ) КъапIыи-къэдаIуэ, Астемыр, Хьуаишэ и Iэтэу, уэри укьыдэхуауэ IэкIэ утемьIэбэмэ. Мис итIанэ бжесIар уи гум къэгъэкЫжэ [4, с. 561]. / (Думасара) Слушай сюда и запоминай, Астемир, как копна Хуаши, и ты останешься в поле один. Потом припомнишь, о чем я говорила.

При описании процессов мышления своих героев А.П. Кешоков использует ФЕ, из буквального значения которых следует, что мыслительные процессы у них проходят через сердце, «остаются», «лежат» в нем, «произрастают» из сердца.

Гум къэкЫн - прийти в голову (букв.: произошло в сердце):

(Степан Ильич) Абы и гум къэкIар езыи и гум ирихьыжауэ зиуцэхуат [4, с. 746]. / (Степан Ильич) То, что пришло в голову, аж самому понравилось.

ГукъэкI шIын - подумать; прийти в голову; догадаться (букв.: сделать произрастание в сердце):

Абдежым, хэт ицIэрэ, пацтыхьым адыгэ уэрэд седэIуацIэрэт жиIэу гукъыдэж ицIэмэ, Уэзырмэси уэрэд жедгъэIэниц жиIэу Хьэчакъ гукъэкI ицIа цхьэкIэ, дэнэ – зыщыгугъам хуэдэу Iуэхур къыщIэкIакъым [6, с. 175]. / Там, кто знает, если царь проявит желание послушать адыгскую песню, хотя Хачаку пришло в голову дать спеть Уозермесу, где там - дело обернулось не так, как он хотел.

Гум къыхэн - вздуматься; зародиться в голове, прийти в голову (букв.: зайти в сердце):

Инал и фызыр и гум къыхьац, къыспэлъэу цысу къыщIэкIыниц, шхын сьтхэри игъэхъэзырауэ, жиIэри [4, с. 660]. / Инал подумал о жене, наверное, сидит и ждет меня, все приготовив.

ПщIыхьэпIэу игу къэкIакъым - и в голову не пришло; ни сном, ни духом (букв.: и сердцу не приснится):

Инал, и къуэи цIыкIухэм нэхьыжью яхэтти, унагъуэр и пцэм дэлът, еджэн сьт жыхуэпIэр пщIыхьэпIэу и гум къэкIыртэкъым, къэкIыпэу цытми, хэтът ар езыгъэдженур? [3, с. 390] / Инал был самым старшим среди братьев, поэтому на нем был весь дом, мысли об учебе ему и в голову не приходили, если бы и приходили, кто ему позволит.

И гуи и щхьи кьэкьыркьым - и в голову не приходит; и думать не думает (букв.: не произрастает ни сердце, ни голова):

Лу, дауи, и гуи и щхьи кьэкьыртэкьым а властыр кьуажэ псоми, псыхъуэу щыИэ псоми зэрынэсар, дыгъэ нурьм хуэдэу, цыыхухэм я гур игъэхуабэу, нэм нэху иригъэлыгагъуу, гъатхэм хуэдэу, кьэрэхъэлькьыир игъэгуфIэу хэкум кьызэрихьар [3, с. 231]. / Лю, конечно, и думать не думал, что эта власть дошла до всех сел, до всех берегов, как луч солнца нагревает сердца людей, просветляет, как весна осталась на родине, радуя всех.

ИгукIэ жыIэн - говорить про себя мысленно (букв.: говорить сердцем):

Сэ сьт щхьэкIэ зыкьысхуигъэгусэн, сэракьым изыгъэкIыжар, жиIэу арат Верэ Павловнэ игукIэ жиIэр [4, с. 686]. / Почему она должна на меня обижаться, не я с ней развожусь, так говорила про себя мысленно Вера Павловна.

Гум кьрихур - о чем думается, что беспокоит, то, что не по душе (букв.: то, что выгоняется из сердца):

Къазджэрий кьыгурыIуащ хьэщIэ кьэкIуам и гум кьрихур, ар Бэтэгъэ ищхьэ нэс кьызыхуу Бурун кьэзыхуар [4, с. 543]. / Казгирей понял, что не по душе гостю, что его заставил прийти из верхней Батаги в Бурун.

Гум кьишхыдыкIын - невзначай высказать то, о чем думает кто-то; прочитав мысли другого (букв.: ворчать из сердца):

Мэтхъэныр гукIи псэкIи еувэлIащ а тхылъым. Къазджэрий кьызэрилъытэмкIэ, шэрихьэтри, кьурIэным итри, езы дьидэм и гум ильри – псори зэтэхуэрт, иджы революцэр – Ленин Къазджэрий и гум кьошхыдыкI [3, с. 405]. / Матхан душой и сердцем принял эту книгу. Как считал Казгирей и шарият, и то, что написано в Коране, и то, что у него в мыслях - все совпало, теперь революция - Ленин высказывает то, о чем думает Казгирей.

Таким образом, языковые единицы, репрезентирующие концепт "гу" (сердце) в художественном тексте, позволяют раскрыть психическое явление наиболее полно.

Список литературы:

1. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Б., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. - Нальчик, 2001. - 36 с.
2. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. - Нальчик, 2000. - 132 с.
3. Къыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 2-нэ. 488 с. / Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. Нальчик: Эльбрус, 2005. Т. 2. - 488 с.
4. Къыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ / Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. - Нальчик, 2005. Т. 3. - 752 с.

5. Кышокъуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ / Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. - Нальчик, 2006. Т. 4. - 688 с.
6. Кышокъуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ / Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. - Нальчик, 2006. Т. 5. - 552 с.

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Сиражудинов Раджаб Магомедгазиевич

*канд. филол. наук, доцент кафедры дагестанских языков ФФДГУ
РФ, г. Махачкала*

THE CATEGORY OF THE GRAMMATICAL CLASS OF RELATIVE ADJECTIVES IN AVAR LITERARY LANGUAGE

Rajab Sirazhudinov

*PhD of Philology, Associate Professor
of the Department of Daghestanian Languages FF DSU
Russia, Makhachkala*

Аннотация. Семантика относительных прилагательных представляет собой сложную знаковую структуру, соотношенную со структурой исходного слова. В некоторых языках Дагестана относительные прилагательные не имеют степеней сравнения и не сочетаются с интенсификаторами.

Abstract. The semantics of relative adjectives is a complex sign structure, correlated with the structure of the original word. In some languages of Dagestan, relative adjectives do not have degrees of comparison and do not combine with intensifiers.

Ключевые слова: аварский язык; относительные прилагательные; степени сравнения; адъектив; ауслаут; анлаут; плюралис; датив; парадигма.

Keywords: Avar language; relative adjectives; degrees of comparison; adjective, auslaut; annout; plural; dative; paradigm.

В аварском литературном языке относительные адъективы обозначают признак, постоянно присущий предмету и неспособный проявляться в большей или меньшей мере (степени). В процессе окачествления относительного прилагательного его значение перестраивается; качественный признак выступает на первый план, а другие погашаются. Относительные качества выражают признаки и свойства предметов, отвлеченные от других предметов, когда отвлекаемый от предмета признак превращается в признак, общий для других предметов:

гамачI «камень»;

ганчIилаб кьо «каменный мост»;

ганчIилаб рукь «каменный дом»;

ганчIилав вас «каменный мальчик» и т. д.

В аварском языке можно выделить и так называемые относительно-притяжательные прилагательные. Они могут быть образованы путем прибавления суффикса **-а** и кл. показателя **-б** к форме генитива имени существительного, которое означает живое существо, например: *царалаб* «лисье» (от *царал* «лисы» – посессив), *гIакдалаб* «коровье» (от *гIакдал* – посессив). М.-С. Саидов указывает на сравнительно редкое их употребление в аварском литературном языке [Саидов, 1967: 749].

Следует отметить, что в адъективах такого типа также присутствуют классные показатели, занимающие только постпозиционное положение.

К относительным прилагательным аварского языка можно отнести и конструкции, образованные от наречий с помощью суффиксов **-се-**, **-исеи** классных показателей, например: *жакъя* «сегодня» – *жакъя-се-в* «сегодняшний», *жакъя-се-й* «сегодняшняя», *жакъя-се-б* «сегодняшнее», *жакъя-се-л* «сегодняшние»; *метер* «завтра» – *метер-исе-в* «завтрашний», *метер-исе-й* «завтрашняя», *метери-се-б* «завтрашнее», *метер-исе-л* «завтрашние».

Мы полагаем, что в аварском литературном языке, а также в некоторых говорах северного наречия следует выделить и так называемые притяжательные прилагательные, обозначающие принадлежность предмета кому-либо или чему-либо, например: *инсулаб* «отцовский», *дираб* «мой», *дураб* «твой» и т. д. Адъективы такого типа могут образоваться от различных частей речи, например: от любого субстантива в форме посессива с помощью суффикса **-а** и классных показателей (**в**, **-й**, **-б**), а также показателя плюралиса **-л**, например:

номинатив посессив адъектив

цер «лиса» – *царал* – *царалаб (в, -й)* «лисье», «лисий», «лисья»;

кету «кошка» – *кати* – *катаб (в, -й)* «кошачье», «кошачий»;

бацI «волк» – **бацIлиI** – **бацIлиаб (в,-й)** «волчье», «волчий», «волчья»;
хер «травя» – **харил** – **харилаб (в, -й)** «травяное, травяной» и т. д.

Вышеприведенные примеры доказывают, что в аварском литературном языке от любого субстантива в форме посессива с помощью аффикса **-а** и классных показателей (**в,-й,-б**) можно образовать притяжательный адъектив со значением принадлежности или материала, из которого сделан предмет.

Классные показатели встречаются также в прилагательных, образованных от притяжательных местоимений с помощью суффикса **-а** и кл. показателя, например: **дир**(генитив) – **дир-а-в** «мой» (муж. кл.);

дир (генитив) – **дир-а-й** «моя» (жен. кл.);

дир (генитив) – **дир-а-б** «мое» (ср. кл.);

дир (генитив) – **дир-а-л** «мои» (плюралис).

Данные адъективы образованы от форм генитива личных местоимений, т. е. от притяжательных местоимений с помощью суффикса **-а** и классных показателей (**в, -й, -б**), а также показателя плюралиса **-л**.

Следует также отметить, что в аварском литературном языке встречаются и конструкции (адъективы), образованные от притяжательных прилагательных, со значением «выборочности». Адъективы такого типа, в отличие от обычных, образуются от притяжательных адъективов, образованных от местоимений **дун** «я», **нилI** «мы» (инклюзив), **ниж** «мы» (эксклюзив), **нуж** «вы», **мун** «ты» аварского языка. Что касается классных показателей, то они в составе таких конструкций употребляются дважды, а именно: если речь идет об определяемом мужского класса, то употребляется показатель мужского класса- **в**, а если речь идет об определяемом женского класса, то употребляется показатель женского класса **-й**. Показателями среднего класса и плюралиса соответственно употребляются **-б** (для среднего класса) и **-л** (для плюралиса), например:

номинатив генитив адъектив (притяжат.) адъектив (выборочный)

Дун«я» **дирдирав** «мой» (м. кл.) – **дирав-ав** «тот, который мой»;

Дун«я» **дирдирай** «моя» (ж. кл.) – **дирай-ай** «та, которая моя»;

Дун«я» **дирдираб** «мое» (ср. кл.) – **дираб-аб** «то, которое мое»;

Дун «я» **дир дирал** «мои» (плюралис) – **дирал-ал** «те, которые мои».

Кроме того, ауслатные классные показатели в аварском литературном языке и в говорах северного наречия салатавского диалекта встречаются также и при образовании адъективов от субстантивов или личных и указательных местоимений в форме датива с помощью суффикса **-се** и классных показателей, например:

номинатив	перевод	датель	перевод	адектив	перевод
<i>дун</i>	я	<i>дие</i>	мне	<i>диесеб</i>	предназначенное мне
<i>мун</i>	ты	<i>дуге</i>	тебе	<i>дугесеб</i>	предназначенное тебе
<i>дов</i>	тот	<i>досие</i>	тому	<i>досиесеб</i>	предназначенное тому
<i>дой</i>	та	<i>долъие</i>	той	<i>долъиесеб</i>	предназначенное той
<i>ниж</i>	мы	<i>нижее</i>	нам	<i>нижеесеб</i>	предназначенное нам (эксклюзив)
<i>нил</i>	мы	<i>нилее</i>	нам	<i>нилеесеб</i>	предназначенное нам» (инклюзив)
<i>нуж</i>	вы	<i>нужее</i>	вам	<i>нужеесеб</i>	предназначенное вам
<i>дол</i>	они	<i>дозие</i>	им	<i>дозиесеб</i>	предназначенное им
<i>гьал</i>	эти	<i>гьазие</i>	этим	<i>гьазиесеб</i>	предназначенное этим

На наш взгляд, было бы целесообразным конструкции такого типа назвать адресными адективами, так как в них выражается конкретный адресат.

Кроме того, ауслаутные классные показатели употребляются также в адективах, образованных от других частей речи. Например, в адективах, образованных от целевой формы глагола.

По поводу образования адективов от глагола Г.И. Мадиева пишет: «С помощью суффикса *-се* от целевой формы глагола образуется также имя прилагательное в аварском языке. *Гьабизе* «делать» – *гьабизесеб* «вещь, которую нужно сделать», *босизе* «взять» – *босизесеб* «вещь, которую нужно взять», *къезе* «дать» – *къезесеб* «вещь, которую нужно дать», *буклине* «быть» – *буклинесеб* «вещь, которая будет» [2002: 113] и т. д. Следует отметить, что этой точки зрения придерживаются и другие авароведы. Так, М. Абдуллаев и Я. Сулейманов пишут: «Относительные прилагательные образуются от имен числительных в форме родительного падежа, от имен существительных и местоимений в форме дательного падежа, целевой формы глагола, а также наречий времени и места, например: *кIийилаб баци* «двухгодовалый бычок», *Къадиесеб тIехь* «книга, предназначенная для Кади», *диесеб къалам* «карандаш, предназначенный мне», *метерисеб къо* «завтрашний день», *цебесеб кIкIал* «переднее ущелье», *нахъисеб къер* «задний ряд» [1965: 80].

Мы также придерживаемся данной точки зрения и постараемся более конкретно её обосновать. Основным доказательством, на наш взгляд, должно быть то, что данные конструкции, во-первых, имеют постпозиционные классные показатели (принадлежность адектива); во-вторых, они свободно могут употребляться в качестве атрибута, например: *кватIизесев вас* «мальчик, который опоздает», *кватIизесейя* «девочка, которая опоздает», *вачIинесев вас* «мальчик, который придет»,

ячIинесей яс «девочка, которая придет», **бихъизесев** «тот, кто должен видеть» (I кл.) и т. д.

Показатели грамматических классов адъективов в аварском языке всегда занимают ауслатную позицию, т. е. нет ни одного адъектива без ауслатного классного показателя: **лъикIав (й, -б)** «хороший», **гъитIинав (й, -б)** «маленький», **кIудияв (й, -б)** «большой», **сонисев (й, -б)** «вчерашний», **даруяб (в, -й)** «целебный».

Кроме того, данные конструкции при самостоятельном употреблении (без определяемого слова) свободно склоняются по падежам, например:

Номинатив **кватIизесев** «тот, который опоздает»;

Эргатив **кватIизесес**

Генитив **кватIизесесул**

Датив **кватIизесесе**

Лок.№1 **кватIизесесда** и т. д.

Таким образом, мы видим, что данные конструкции обладают всеми признаками адъективов и должны быть включены в их состав. Интересно также отметить и то, что с адъективами их объединяет также отсутствие категории отрицательности. Отличительной особенностью данных конструкций является и то, что в них семантически заложен признак будущности, т. е. то, что свершится в будущем.

Иногда в адъективах аварского языка показатели грамматических классов выступают в анлауте и ауслaute: **в-ицата-в** «толстый» (муж. кл.), **в-орхата-в** «высокий» (муж. кл.) (**-в**-показатель мужского класса) и т. д. При образовании множественного числа с конечным и начальным классным показателем происходит замена начального и конечного показателя грамматического класса суффиксами плюралиса, соответственно **-р** и **-л**: **в-ицата-в чи** «толстый человек», **р-ицата-л чагIи** «толстые люди», **б-ицата-б тIехь** «толстая книга» - **р-ицата-л тIахьал** «толстые книги» [4, с. 72].

Отметим, что в литературном аварском языке встречаются также имена прилагательные, в которых анлаутный консонант окаменел, т. е. он сохраняется во всех парадигматических формах этих адъективов. Так, например, в таких словах, как **багIара-б, багIара-й, багIара-б, багIара-л**, «красные»; **бахIарав, бахIараб, бахIарай, бахIарал** «молодые» и т. д. Полагаем, что анлаутный согласный **-б**, присутствующий в данных лексемах, когда-то выполнял функции классного показателя [7].

В некоторых диалектах и говорах северного наречия грамматический класс и множественное число одного и того же предмета могут отражаться только в форме третьего грамматического класса.

Например, в говорах салатавского диалекта можно встретить форму типа *борхатал* «высокие» (III кл.) *бицатал* «толстые», но не возможны формы типа *ворхатал*, *йорхатал* «высокие» (I, II классы), *бицатал* «толстые» (III класс) и т. д.

З.Н. Джапаридзе отмечает, что «формы типа *борхатал* могут выступать в качестве определяющего в сочетании с одним определяемым и невозможны с другими». Он приводит следующие иллюстрации: лицо, употребляющее форму *борхатал* в словосочетании *борхатал мугIрул* «высокие горы», не допускает этой формы, если речь идет о высоких домах, деревьях (здесь употребляется форма *порхатал*). Та же личность, считающая естественным выражение *бацIцIадал рукъзал* «чистые дома», отрицает возможность употребления формы *бацIцIадал* «чистые» по отношению к книгам, платью, посуде и в этих случаях допускает форму *рацIцIадал* «чистые» [3, с. 283–284].

Интересно отметить, что имена прилагательные с двумя классными показателями в форме единственного числа в множественном числе их теряют, т. е. вместо них употребляются показатели плюралиса-*p* или *-л*. Следует подчеркнуть, что показатели плюралиса, в отличие от классных показателей, ведут себя совершенно по-другому, а именно: они не изменяются в зависимости от класса той или иной лексемы. Здесь употребляются анлаутный *-ри* ауслаутный-*л*- показатели плюралиса без каких-либо классных экспонентов, например:

<i>p-орхатал гъутIби</i>	высокие деревья
<i>p-ицатал кверал</i>	толстые руки
<i>p-ацIцIадал кверал</i>	чистые руки и т. д.

Отсюда мы видим, что нет никакой необходимости в употреблении классных показателей в форме плюралиса, их здесь замещают показатели множественного числа *-p* и *-л*.

Относительные прилагательные в аварском языке по способу образования и семантике делятся на две большие группы:

1. Образующиеся от имен существительных в именительном падеже при помощи прибавления суффиксов (*-а*, *-ия*, *-се*) с соответствующими классными показателями (*-в*, *-й*, *-б*);

2. Относительные и относительно-притяжательные прилагательные, осложненные формой родительного падежа имени существительного с суффиксом *-а* с классными показателями (*-в*, *-й*, *-б*).

Д.Р. Гаджиева обозначения относительных прилагательных в зависимости от семантики имени существительного, от которого они образованы, делит на признак предмета по отношению 1) ко времени (*ихдалилаб* «весенний», *жакъсеб* «сегодняшнее», *хасалилаб* «зимнее»)

и т. д.; 2) к одушевленному предмету (*катилаб* «кошачье», *бачилаб* «телячье») и т. д.; 3) к материалу: *ц1улалаб* «деревянное», *ганч1илаб* «каменное» и т. д.; 4) к признаку, определяющему предмет по материалу, со сдвигом значения *меседилаб* «золотое», *маххулаб* «железное» и т. д. [2, с. 27–39]. Здесь необходимо отметить, что имена прилагательные такого типа никак не могут превратиться в качественные, т. к. они определяют признак предмета по материалу.

Интересно отметить, что относительные прилагательные в аварском языке для выражения выделительного значения имеют особую форму, которая образуется при помощи суффиксов с классными показателями *-ав*, *-ай*, *-аб*. Например: *баг1ар-аб* «красный» – *баг1араб-аб* «то, что красное» (сред. класс), *баг1арав* «красный» – *баг1арав-ав* «тот, кто красный» (муж. кл.), *баг1арай* «красная» – *баг1арай-ай* «та, которая красная» (жен. кл.).

Имя прилагательное в аварском языке, как и в других дагестанских языках, склоняется только тогда, когда употребляется без имени существительного или другой части речи, к которой оно относится, т. е. когда употребляется вместо имени существительного (без последнего), например:

Им. пад.	<i>баг1арав</i>	красный
Эрг. пад.	<i>баг1арас</i>	–
Генитив	<i>баг1арасул</i>	–
Датив	<i>баг1арасе</i>	–
Мест. пад. пок.	<i>баг1арасда</i>	– и т. д.

Интересно подчеркнуть, что классные показатели встречаются также в прилагательных, образованных от притяжательных местоимений с помощью суффикса *-а* и кл. показатель, например: *дир* «мой», *дирав* «принадлежащий мне» (муж. кл.), *дирай* «принадлежащая мне» (жен. кл.), *дираб* «принадлежащее мне» (ср. кл.), *дирал* «принадлежащие мне» (плюралис) (*-л*- показатель плюралиса адъективов, образованных от имен существительных или местоимений).

Классные экспоненты, кроме того, встречаются в составе имен прилагательных, образованных от имен существительных и местоимений в форме датива с помощью суффикса *-се* и классных показателей (*-в*, *-й*), например: *дие* «мне» (дат. пад.), *дие-се-б* «предназначенное мне», *Пат1иматие-се-б* «предназначенное Патимат» и т. д.

Классные экспоненты встречаются также в ауслауте адъективов, образованных от целевой формы глагола с помощью суффикса *-се* и кл. показателя (*-в*, *-й*, *-б*), например: *гьабизе* «делать, сделать» (инф.), *гьабизе-се-в* «тот, который должен делать, сделать» (1 кл.), *вач1ине* «приходить, прийти» (инф.) *вач1ине-се-в* «тот, который должен

прийти» (1 кл.), *цIализе* «читать» (инф.), *цIализе-се-в* «тот, который должен читать» (1 кл.), *бихъизе* «видеть» (инф.), *бихъизе-сев* «тот, который должен увидеть» (1 кл.) и т. д.

Отличительной особенностью аварского литературного языка является то, что в нем нет ни одного прилагательного без ауслатного классного экспонента, т. к. без него оно не выглядит цельнооформленным.

Нельзя не отметить тот факт, что в аварском литературном языке встречаются адъективы, образованные от наречий с анлаутными классными показателями, которые сохраняются и в составе адъективов, например: *б-ацIцIад* «чисто» (ср. кл.), *б-ацIцIада-б* «чистое» (ср. кл.), *в-ацIцIад* «чисто» (муж. кл.), *в-ацIцIада-в* «чистый» (муж. кл.), *й-ацIцIад* «чисто» (жен. кл.), *й-ацIцIада-й* «чистая» (жен. кл.), *б-орхат* «высоко» (ср. кл.), *б-орхата-б* «высокое» (ср. кл.), *в-орхат* «высоко» (муж. кл.), *в-орхата-в* «высокий» (муж. кл.), *й-орхат* «высоко» (жен. кл.), *й-орхата-й* «высокая» (жен. кл.) и т. п. [6].

Как видим, в вышеприведенных адъективах, образованных от наречий с классными показателями, сохраняются присутствовавшие в них классные экспоненты.

Сказанное выше не означает, что в аварском литературном языке этот грамматический закон соблюдается во всех случаях без какого-либо исключения. Так, если взять некоторые адъективы, образованные от наречий с классными показателями, то в них мы видим, что наречные классные экспоненты опускаются, т. е. выпадают, например: *в-амIа* «отдельно» (*в* – показатель муж. кл.), *батIуяв* «отдельный» (анлаутный кл. пок. отсутствует); *й-амIа* «отдельно» (*й* – пок. жен. кл.), *батIуяй* «отдельная» (нет начального кл. пок.), *б-амIа* «отдельно» (*б* – пок. сред. кл.), *батIуяб* «отдельное» (начальный кл. пок. выпал) и т. д.

Таким образом, при образовании адъективов от наречий с анлаутными классными показателями происходит выпадение последних. Вместо анлаутных классных показателей употребляется окаменевший консонант во всех парадигматических формах. При образовании множественного числа с конечным и начальным классным показателем происходит замена начального и конечного показателя грамматического класса суффиксами множественного числа. Такое же положение в аварском литературном языке наблюдается и при образовании множественного числа причастий, в которых также, как и в прилагательных используется анлаутный показатель плюралисаи ауслатный показатель. Необходимо подчеркнуть, что препозиционный показатель плюралиса используется при образовании множественного числа адъективов от наречий с начальным классным экспонентом, а также при образовании причастий от глаголов с классными показателями.

Список литературы:

1. Абдуллаев М., Сулейманов Я. Аварский литературный язык. – Махачкала, 1965. На авар. яз.
2. Гаджиева Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке. – Махачкала, 1979. – 99 с.
3. Киквидзе В.В. Имя прилагательное в иберийско-кавказских языках. – Тбилиси, 1959.
4. Мадиева Г.И. Аварский язык. – Махачкала, 2002. На авар. яз. – 252 с.
5. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала, 1964. – 171 с
6. Сиражудинов Р.М. Сравнительный анализ имен прилагательных в аваро-андийских языках: Автореф. дис. ... канд.филол. наук. – Махачкала, 2006.
7. Хангереев М-Б. Д-Г. Словообразование в аварском языке. – Махачкала, 2004.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам XIII международной
научно-практической конференции*

№ 2 (13)
Февраль 2018 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 22.02.18. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,125. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
125009, Москва, Георгиевский пер. 1, стр.1, оф. 5
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru